

ЖИВАЯ СТАРИНА

Р 5
✓ 103

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ СЕДЬМОЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1897

Тюркская сказка о Идыге.

¹ вариант. Записанъ миссіонеромъ о. Ивановскимъ отъ киргизъ, кочующихъ въ горахъ Тарбагатай, въ Семипалат. области. Доставлена А. А. Ивановскимъ.

Въ давнее время жила одна вдова, у которой было три сына; сыновья жили отдѣльно другъ отъ друга; несмѣтное ихъ богатство служило пропитаніемъ цѣлой страны, въ которой они жили со своей матерью. Однажды, къ этой вдовѣ пріѣхало сорокъ человѣкъ гостей; только что гости сѣли за ужинъ, пришло извѣстіе, что старшій ея сынъ умеръ; вдова сказала, что она пріѣдетъ къ покойнику, какъ только проведетъ своихъ гостей, а пока тѣло ея сына пусть положатъ на правое мѣсто въ юртѣ ¹⁾. Какъ только отправился первый гонецъ, за нимъ пріѣхалъ другой съ извѣстіемъ, что и второй сынъ вдовы умеръ. Вдова отвѣтила тоже самое, какъ и при извѣстіи о смерти старшаго сына, т. е., что пріѣдетъ тотчасъ, какъ только проведетъ гостей. Тотчасъ послѣ этого пріѣхалъ еще гонецъ съ извѣстіемъ о смерти младшаго сына; вдова и въ этотъ разъ отвѣтила такъ же. Какъ только наступило утро, гости отправились домой, а вдова велѣла привести покойниковъ къ себѣ; потомъ она похоронила ихъ по народному обычаю. Жены умершихъ остались вдовами.

Однажды жены, посовѣтовавшись между собою, сговорились поискать себѣ другихъ мужей. Они говорили: „На что намъ богатство, когда мы живемъ на свѣтѣ безъ мужей!“ Втроемъ, украдкой отъ свекрови, они отправились въ путь. Дорогой младшая изъ трехъ вдовъ часто посматривала назадъ; другія двѣ замѣтили это, спрашиваютъ: „почему ты оглядываешься назадъ?“ Тогда она отвѣтила: „Я оглядываюсь потому, что мы всѣ втроемъ убѣжали отъ свекрови, не отпросившись у нея; да отчасти мнѣ и жаль бѣдную старуху. Некому теперь ей помочь!“ „Если тебѣ очень жалко свекровь, то мы тебя не удерживаемъ, можешь идти назадъ!“ Такимъ образомъ, младшая сноха прибѣжала обратно, а бѣдная старуха, увидѣвши свою молодуху, такъ обрадовалась, что даже позабыла про смерть своихъ сыновей.

Спустя нѣсколько лѣтъ, молодуха родила близнецовъ, сразу трехъ сыновей; свекровь обрадовалась этому. Дали имъ имена, одному Бабай, другому Тукты, третьему Шашъ-Тазы. Когда мальчики подросли, они всегда

втроемъ ходили къ сосѣднему озеру купаться; однажды, пришедши къ озеру, они увидѣли трехъ лебедей, тоже прилетѣвшихъ на купанье; вдругъ, къ удивленію мальчиковъ, эти лебеди сбросили съ себя свое верхнее одѣяніе, т. е. перо, и сдѣлались дѣвчушками. Мальчики, спрятавшись, слѣдили за ними; какъ только дѣвицы вошли въ воду и стали купаться, мальчики схватили лебединныя шкуры, въ которыхъ онѣ прилетѣли къ озеру, и спрятали. Дѣвицы, выкупавшись, вышли на берегъ и замѣтили, что ихъ лебединныя шкуры кѣмъ то украдены. Тогда къ нимъ выбѣжали мальчики Бабай, Тукты и Шашъ-Тазы. Дѣвчушки стали просить мальчиковъ, чтобы они отдали имъ взятныя шкуры, но мальчики на это не согласились. Тогда дѣвицы (добрые духи, дію фири) насильно надѣли на себя лебединныя шкуры и поднялись на небо; такъ какъ они узнали, что мальчикамъ ни за что не хочется разставаться съ ними, то они ихъ взяли съ собою въ свой домъ и, укрывая ихъ отъ другихъ духовъ, тайкомъ жили съ ними трое съ тремя. Спустя нѣсколько лѣтъ, младшая изъ нихъ, вышедшая за младшаго изъ братьевъ, за Шашъ-Тазы, стала беременною; старшія сестры стали сердиться на нее и задумали, во чтобы то ни стало, наказать ее за это. Съ этою цѣлью старшія сестры сказали ея мужу Шашъ-Тазы: „Твоя жена не есть дочь добрыхъ духовъ; она чертова дочь; если ты хочешь удостовѣриться въ этомъ, посмотри когда нибудь, что она дѣлаетъ, когда ты въ отсутствіи; тогда ты въ этомъ убѣдишься“. Шашъ-Тазы такъ и сдѣлалъ, засталъ ее въ то время, когда она чесала свои волосы. Шашъ-Тазы увидѣлъ, что у нея на головѣ видны и свѣтять мозги, чрезъ грудь видны легкія, черезъ ноги жилы (это бываетъ только у одѣяныхъ красавицъ духовъ). Увидѣвъ вошедшаго мужа, она поспѣшила укрыться въ лебединныя шкуры и улетѣть. Такимъ образомъ она скрывалась въ теченіе восьми дней; на девятый день она возвратилась къ мужу, сѣла недалеко отъ мужа и сказала ему: „Ты послушался недобрыхъ людей, они тебѣ и мнѣ завидовали; послушавшись ихъ совѣта, ты сдѣлалъ себѣ худое, лишился жены и лишишься будущаго сына, котораго тебѣ придется искать, въ чужомъ государствѣ, въ городѣ Кумгель, недалеко отъ холма Куба-донгъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся девять дорогъ. Тамъ я и брошу твоего сына; шесть дней его будетъ кормить шайтанъ Азраилъ, семь дней Джебраилъ (Гавриилъ); на головѣ его будетъ бѣлая чалма; сорокъ дней объ немъ будетъ заботиться и кормить его Кыдыръ-ата; наружность его бѣлокурая, на лопаткѣ у него будетъ печать Азраила, на лбу печать Джебраила. Когда будешь искать сына, надѣнешь желѣзные сапоги и возьмешь желѣзную палку? Найдешь сына, когда отъ желѣзныхъ сапоговъ останутся однѣ только подошвы, а отъ желѣзной палки остатокъ съ иглою!“ Сказавъ это, жена Шашъ-Тазы улетѣла. Шашъ-Тазы горько заплакалъ, что

¹⁾ У киргизъ обычай класть покойника на правой сторонѣ юрты, головой къ западу.

лился своей возлюбленной и будущего сына. Онъ рѣшился идти искать сына. Надѣвши бѣлую чалму, желѣзные сапоги и взявъ желѣзную палку, пошелъ странствовать. Жена его родила сына и положила на перекресткѣ дорогъ, а сама улетѣла.

Спустя нѣсколько времени по этой самой дорогѣ проѣзжалъ караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ драгоценностями хана этой страны. Вожакъ каравана вдругъ услышалъ какой-то человѣческій плачь; сначала онъ подумалъ, что это обманъ его слуха, не вой ли волка, но потомъ убѣдился, что это плачь человѣка; онъ велѣлъ каравану двинуться скорѣе впередъ въ ту сторону, гдѣ былъ слышенъ плачь. Подѣхавши, они увидѣли младенца, который лежалъ подъ тѣнью высокорастущаго исполинскаго дерева и при видѣ приближавшихся улыбался. Вожакъ каравана, какъ человѣкъ бездѣтный и нуждающійся въ наслѣдникѣ, съ радостью взялъ ребенка себѣ и, велѣвъ каравану двинуться впередъ, самъ съ младенцемъ отправился за караваномъ. Велика была радость вожака Ажу-Кожа, что Великій Богъ послалъ ему сына; отъ всей души онъ благодарилъ за это Всевышняго Создателя.

Когда караванъ прибылъ въ столицу хана этой страны, Ажу-Кожа представилъ найденнаго младенца хану; ханъ, увидѣвъ младенца, сказалъ, что этотъ младенецъ его, что его имя Эдигѣ; что ханъ, будто-бы, нарочно велѣлъ положить ребенка на самую дорогу, чтобы путеводитель каравана Ажу-Кожа, услышавши голосъ ребенка еще издали, поскорѣе поспѣшилъ въ городъ. Конечно, Ажу-Кожа не повѣрилъ этому и они вдвоемъ должны были пойти для правосудія къ казію (судѣ). Въ это время во дворецъ къ хану является какой то неизвѣстный странникъ, одѣтый весь въ бѣлое; на головѣ его чалма; самъ онъ изнуренный, какъ видно, человѣкъ, повидавшій на своемъ нѣку много хорошаго и худого. О приходѣ странника доложили хану; ханъ, разспросивъ, во что одѣтъ странникъ, счелъ долгомъ, по обычаю народа пригласить странника къ себѣ, какъ человѣка постраниковавшаго по свѣту и повидавшаго много добраго и худого. Когда странникъ вошелъ въ комнату хана, онъ увидѣлъ какого-то человѣка; это былъ вожакъ каравана Ажу-Кожа. По обычаю, стали спрашивать странника: откуда онъ, куда путь держитъ и съ какою цѣлью? Тогда странникъ говорить, что его зовутъ Шашъ-Тазы, что онъ потерялъ сына и странствуетъ по свѣту, ища потеряннаго сына. Ажу-Кожа и ханъ спрашиваютъ его, есть ли у отыскиваемого имъ младенца какія-нибудь примѣты на лицѣ или гдѣ-нибудь на тѣлѣ. Странникъ рассказывалъ, какія должны находиться примѣты у мальчика, на лопаткѣ печать Авраила, на лбу печать Джебраила. Тогда Ажу-Кожа и ханъ повѣрили ему и странникъ, взявши своего сына, отправился, довольный въ душѣ обратно домой, а ханъ и Ажу-Кожа остались не при чемъ.

Возвращаясь домой, Шашъ-Тазы дорогой остановился у бѣднаго старика со старухой, у которыхъ, кромѣ пяти козъ, ничего не было. Странникъ Шашъ-Тазы остановился у этого старика съ цѣлью помолиться Богу и покормить ребенка. Когда онъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ старику: «Послушай, старикъ? Вотъ мы съ тобой дожили, ты до семидесяти лѣтъ, а до шестидесяти, а дѣтей не имѣемъ. Попросимъ у этого святого странника, который, пожалуй, болѣе не посѣтитъ насъ при нашей жизни». Старикъ согласился на совѣтъ своей старухи. Когда странникъ вернулся въ юрту, старуха предложила ему, чтобы онъ оставилъ имъ своего сына. Странникъ сначала молчалъ; ему не хотѣлось своего сына оставить у чужихъ, но старикъ со старухой все упрямивали его, такъ что странникъ сталъ не радъ и, наконецъ, долженъ былъ уступить; онъ попросилъ только, чтобы они достали ему какую нибудь лошадь доѣхать до родины. Старикъ обрадовался, продалъ какую то вещь, досталъ лошадь и отправилъ странника поскорѣе въ путь. Шашъ-Тазы уѣхалъ на родину, а сынъ его Эдигѣ остался у старика. Старуха только и дѣлала, что ухаживала за Эдигѣ, а старикъ пасъ своихъ козловъ.

Когда мальчикъ подросъ и достигъ семи лѣтъ, то пасти козловъ началъ ужъ онъ; тогда старикъ со старухой дали ему другое имя Койчубай; койчи значить овечій пастухъ, бай—богатый хозяинъ. Какъ только началъ пасти козловъ Койчубай, козлы начали размножаться; черезъ немного лѣтъ козлиное стадо стало большое и старикъ со старухой стали жить лучше.

Въ то время, какъ Койчубай пасъ въ степи козловъ, другіе пастухи обращались къ нему въ случаѣ ссоры ихъ между собой и онъ разбиралъ ихъ и рѣшалъ споры. Потомъ къ нему стали обращаться уже не одни пастухи, а сосѣди и онъ сдѣлался между ними біемъ-кази, а самъ продолжалъ пасти козловъ. Въ той странѣ, гдѣ жилъ Эдигѣ, т. е. Койчубай, народомъ управлялъ ханъ Тохтамышъ; у хана былъ великій визирь по имени Джамбай, который любилъ охоту, часто ѣздилъ на охоту и большую часть времени проводилъ въ ней. Однажды Джамбай убилъ зайца на горѣ одного владѣльца; владѣлецъ обидѣлся и потребовалъ себѣ зайца, убитаго на его землѣ; пришлось искать правосудія у біевъ-казіевъ; владѣлецъ горы приглашалъ Джамбая идти судиться къ Койчубаю, а Джамбай звалъ къ хану Тохтамышу. Наконецъ, согласились пойти къ Койчубаю. Койчубай (Эдигѣ) дѣла свои разбиралъ въ степи; дома ему нельзя было это дѣлать, потому что некому было пасти козловъ. Спорившіе о зайцѣ пришли къ Койчубаю; онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они пришли и визирь рассказавъ ему свое, а владѣлецъ горы свое. Тогда Койчубай взялъ убитаго зайца, положилъ на

голову визирю Джамбаю и велѣлъ владѣльцу горы стрѣлять по зайцу; тотъ не согласился и испуганный бросилъ ружье. Тогда Койчубай убитаго зайца положилъ на голову владѣльца горы и велѣлъ стрѣлять визирю охотнику; визирь выстрѣлилъ и уронилъ зайца съ головы владѣльца горы. Койчубай взялъ зайца и отдалъ визирю Джамбаю, а его противнику велѣлъ идти въ свой домъ. Послѣ этого визирь Джамбай убѣдился въ правосудіи и находчивости Койчубая (Эдигѣ), подружился съ нимъ и даже подарилъ ему саблю; дружбу свою они закрѣпили обрядомъ: подрѣзали у правой руки жилы, спустили въ чашку кровь и, смѣшавши ее, выпили оба. Въ другой разъ визирь опять выѣхалъ на охоту и увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые ѣхали къ хану судиться; споръ между ними вышелъ изъ-за верблюженка; одинъ говорилъ, что верблюженку его, что онъ потерялъ его тогда-то, другой говорилъ, что его и что верблюдица скушаетъ. Тогда великій визирь повелъ ихъ къ казію Койчубаю; Койчубай сдѣлалъ такое рѣшеніе, велѣлъ привести верблюдицу; верблюженку, увидѣвши мать, сейчасъ и пошелъ къ ней; владѣлецъ верблюдицы увелъ верблюженку по рѣшенію Койчубая, а его противникъ остался не при чемъ. Однажды къ Койчубаю пришли двѣ матери со споромъ изъ-за ребенка младенца; одна увѣряетъ, что ребенокъ ея, а другая, что ея; одна говорила, что ребенокъ былъ ею потерянъ во время нападенія грабителей, другая, что она его запртала въ яму. Чтобы разобратъ, чья сторона правая, чья виновная, кази Койчубай велѣлъ обѣимъ матерямъ сѣсть на землю, потомъ взялъ подаренную визиремъ саблю и какъ только онъ замахнулся, чтобы напугать женщинъ и заставить ихъ сказать правду, одна изъ нихъ остановила его, закричавъ: «Пожалѣй насъ, мы страдаемъ изъ-за одного младенца!» Другая же въ это время сидѣла и молчала. Тогда бій-кази Койчубай-Эдигѣ убѣдился, которой изъ женщинъ принадлежитъ ребенокъ и отдалъ той, которая молчала; она не жалѣла себя и готова была предать себя за ребенка.

Въ то время жили пятеро братьевъ; они жили очень бѣдно; изъ животныхъ у нихъ всего была одна коза и та хромая. Однажды они вадумали эту козу раздѣлить между собою. Такъ и сдѣлали, они закололи ее; одному досталась голова, другому и всѣмъ остальнымъ по ножѣ, младшему изъ братьевъ досталась хромая нога; изъ этой козы образовалось пять козъ; у младшаго коза оказалась хромая. Каждый изъ братьевъ пасъ свою долю. Однажды козы старшихъ братьевъ потравили у сосѣдей ниву и всю вину свалили на младшаго. Владѣлецъ нивы пошелъ съ жалобой къ хану, и старшіе братья оправдались, а младшій былъ осужденъ пойти на четыре года въ работники къ владѣльцу нивы. Когда же братья возвращались отъ хана, старшіе были въ веселомъ настроеніи и пѣли пѣсни, только горе пало на долю младшаго.

Дорогой это увидѣлъ пастухъ, т. е. бій-кази Койчубай (Эдигѣ) и спросилъ плачущаго парня: „О чемъ плачешь?“ Парень отвѣчалъ: „Какъ же мнѣ не плакать, когда ханъ не оправдалъ меня, безвиннаго, а оправдалъ моихъ братьевъ виновныхъ и мнѣ приходится за нихъ терпѣть горе и нужду, служить даромъ четыре года работникомъ“. Выслушавъ его рассказъ, Койчубай сказалъ ему: „Иди этой дорогой, тоже распѣвая свою пѣсню, а я пойду къ твоимъ братьямъ. Когда же твои братья спросятъ меня, почему ты пошелъ съ пѣсней, тогда я отвѣчу имъ: онъ оправданъ ханомъ Тохтамышемъ; если твои братья скажутъ тебѣ: мы были оправданы ханомъ, а не ты, пойдемъ опять къ хану и спросимъ его, на это ты отвѣчай имъ: согласенъ!“ Всѣ пятеро вмѣстѣ съ пастухомъ бѣгомъ-Койчубаемъ (Эдигѣ) опять пошли къ хану Тохтамышу. Пришедши, братья спросили Тохтамыша, кого онъ оправдалъ. Послѣ отвѣта Тохтамыша Койчубай сказалъ: „Приказаніе ваше должно быть свято и не наруσιμο; если это правда, то пусть такъ и будетъ“, сказалъ Койчубай и еще прибавилъ: бастанъ барганга тартсангъ бастынгъ іесинѣ тартыръ басынъ барганга тартсангъ ушъ сау аякъ іесинѣ тартыръ ауру аякдынъгъ іеси апарунъ отъ коюппа, т. е., такъ какъ голова козла была отдана старшему, цѣлыя ноги тремъ другимъ братьямъ, а хромая нога младшему, то должно быть такъ: если козлы пошли сами, то они своею головою думали, а если они пошли, то идти могли съ цѣлыми ножками; какимъ же образомъ хромоногая коза могла пойти на пашню и потравить хлѣбъ, когда она не въ состояніи была пойдти и питалась, подскакивая съ ноги на ногу?“ Тогда ханъ убѣдился, что это правда и вмѣсто младшаго отдалъ владѣльцу нивы четырехъ старшихъ братьевъ-работниковъ, младшій же былъ освобожденъ.

Тохтамышъ-ханъ объявилъ своему народу, чтобы Койчубая отдали ему въ сыновья. Когда объ этомъ объявили Койчубаю, онъ не согласился быть сыномъ хана. Онъ сказалъ: „Если ханъ хочетъ взять меня за сына, то пусть моимъ отцу и матери заплатить за ихъ труды, т. е. за то, что воспитали меня, и пусть обезпечить ихъ на всю жизнь своимъ добромъ. Если ханъ на это согласится, то я могу быть сыномъ хана“. Ханъ согласился на это предложеніе и сказалъ: „Пусть такъ и будетъ, только отдайте мнѣ сына Койчубая!“

Когда Койчубай перешелъ на житѣ къ хану, ханъ сдѣлалъ его первымъ лицомъ въ своемъ владѣніи; тутъ ему перемѣнили имя изъ Койчубая въ Эдигѣ, что значитъ: „человѣкъ, заботящійся о всѣхъ“. Такимъ образомъ, прошло сряду нѣсколько лѣтъ; ханъ любилъ Эдигѣ, а Эдигѣ хана. За это время дочь хана влюбилась въ Эдигѣ; она постоянно уговаривала Эдигѣ бѣжать съ нею вмѣстѣ къ сосѣднему хану Сатемиру, но Эдигѣ не соглашался. Онъ говорилъ ей: „Какъ я стану наживать врага на своего отца?“ Ханъ Сатемиръ частенько дѣлалъ набѣги на хана Тохтамыша съ своими войсками,

когда же Эдигэ сдѣлался управителемъ, эти набѣги прекратились вслѣдствіе улучшенія войскъ въ ханствѣ Тохтамыша. Дочь Тохтамыша не переставала уговаривать Эдигэ, но онъ на нее не обращалъ никакого вниманія, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, перешелъ изъ ханскаго дворца, въ которомъ жилъ вмѣстѣ съ ханомъ, въ особое помѣщеніе. Узнавши объ этомъ, ханъ спросилъ жену, почему Эдигэ отошелъ на другую половину дворца. Ханша, зная, что между Эдигэ и дочерью хана существуетъ связь, и питавшая къ Эдигэ злобу за то, что онъ, простой человѣкъ, только что выдвинувшійся на такую должность, не хочетъ жениться на ханской дочери, сказала хану слѣдующее: „Негодный человѣкъ твой великій визирь Эдигэ; онъ затѣваетъ дѣло, небывалое въ нашемъ родѣ; онъ хочетъ убѣжать къ твоему врагу Сатемиру и уговорить Сатемира, чтобы онъ пошелъ войной на тебя и тогда они вдвоемъ до тла уничтожатъ твое царство. Не прославится твое царство, мы съ тобой должны будемъ пойти въ рабство къ Эдигэ и умремъ подъ старость въ нищетѣ, а твоя любимая дочь будетъ скитаться по чужимъ дворамъ просить милостыни, чтобы пропитать насъ. Поэтому, если не желаешь быть рабомъ, уничтожай какъ можно скорѣе Эдигэ“. Такъ закончила рѣчь злая жена Тохтамыша. Тохтамышъ повѣрилъ всему этому, потому что прежде она ни разу не обманывала его, и сталъ придумывать, какъ бы поскорѣе оставить его безъ должности и предать казни или другому наказанію. Съ этою цѣлью онъ собралъ народъ и спросилъ его, какимъ образомъ удалить Эдигэ. Тогда изъ среды народа выступилъ восьмидесятилѣтній старикъ, который сказалъ хану: „Если ты хочешь избавиться отъ Эдигэ, то поступи такъ. Прикажи своимъ подданнымъ, чтобы они на свою казну построили желѣзный домъ, сдѣлали въ этомъ домѣ три входа и пятнадцать желѣзныхъ печей; растопи эти печи и накали до-красна. Затѣмъ, вели набрать различныхъ сортовъ вина, вели эти вина соединить вмѣстѣ, а затѣмъ напои Эдигэ этимъ виномъ“. Все такъ и сдѣлали по словамъ восьмидесятилѣтняго старика. Эдигэ объ этомъ замыслѣ ничего не зналъ; онъ былъ извѣщенъ объ немъ своимъ другомъ визиремъ Джамбаемъ; послѣдній давалъ совѣты Эдигэ, чтобы онъ на время скрылся куда-нибудь, но Эдигэ, какъ покровитель народа, сказалъ: „Развѣ надо мною не сжалится народъ, о благосостояніи котораго я такъ заботился?“ Какъ человѣкъ твердый, онъ остался при своемъ рѣшеніи. Тогда Джамбай сказалъ ему: „Когда тебя напоютъ виномъ, отведутъ въ желѣзный домъ и поставятъ тамъ палачей, великій ханъ велитъ бить тебя; передъ этимъ я извѣщу тебя, а ты въ это время помолись Богу. Можетъ быть Онъ тебѣ въ этомъ случаѣ поможетъ“.

Ханъ пригласилъ Эдигэ и сталъ пировать вмѣстѣ; напоявши Эдигэ, далъ приказаніе визирамъ увести его въ желѣзный домъ, передъ тѣмъ только на-

каленный до-красна. Эдигэ, вошедши въ домъ, расхаживалъ взадъ и впередъ; жаръ на него не дѣйствовалъ нисколько.

Когда же онъ опьянѣлъ, отдано было приказаніе изсѣчь его на куски. Только что палачи хотѣли исполнить приказаніе хана, вдругъ невидимая сила все это уничтожила, желѣзный домъ развалился на мелкіе куски, а палачи остались подъ горами обломковъ, Эдигэ же, невредимый ни чѣмъ вышелъ, улыбаясь, къ народу и сказалъ передъ всѣми: „Теперь вы всѣ убѣдились, кто правъ изъ насъ, ханъ или я! Поэтому, развѣ не справедлива пословица: правда свѣтлѣе солнца?“ Увидѣвъ это, ханъ Тохтамышъ подчинился Эдигэ; злая жена Тохтамыша была присуждена ханомъ, ея мужемъ, къ казни, но Эдигэ простилъ ее и сказалъ: „зло должно уплачиваться добромъ“.

Въ скоромъ времени Тохтамышъ умеръ и управленіе народомъ перешло къ умному и дѣятельному человѣку и прославилось ханство Эдигэ.

2 вариантъ. Записанъ мною со словъ киргизскаго султана Д. Х. Султанъ-Газина, который слышалъ сказку на своей родинѣ, въ Семипалат. обл. на рѣкѣ Токрау и разсказалъ ее по воспоминаніямъ своего дѣтства.

Эдыгэ былъ сынъ святаго Баба-Тукляса, который былъ женатъ на дочери пери (духа). Когда она забеременѣла, то отъ стыда удаляясь отъ Баба-Тукляса навсегда, она сообщила ему, что у нея родится сынъ, котораго онъ найдетъ на мѣстѣ пересѣченія девяти дорогъ. Но нашелъ его не Баба-Туклясъ, а поднялъ ребенка пастухъ, случайно пасшій по той дорогѣ скотъ. У него и выросъ Эдыгэ.

Однажды Эдыгэ стоялъ, наблюдая за скотомъ. Мимо него прошли двѣ женщины, спорившія о ребенкѣ. Онъ спросилъ ихъ, въ чемъ ихъ дѣло? Каждая изъ нихъ утверждала, что ребенокъ принадлежитъ ей. Такъ какъ ни та, ни другая не желаетъ уступить ребенка добровольно, то онѣ ѣдутъ теперь судиться къ хану. Эдыгэ взялся рѣшить имъ споръ. Онѣ согласились, и Эдыгэ сказалъ имъ, что рѣшаетъ ихъ дѣло такъ; онъ разсѣчетъ ребенка на двое и дастъ каждой женщинѣ по части; тогда настоящая мать, обливаясь слезами, умоляла Эдыгэ не дѣлать этого; она уступаетъ ребенка другой женщинѣ. Тогда Эдыгэ убѣдился, что это и есть настоящая мать, отдалъ ей ребенка.

Еще Эдыгэ рѣшилъ дѣло двухъ лицъ, спорившихъ о верблюженкѣ. Онъ велѣлъ тяжущимся отвести своихъ верблюдицъ, выдаваемыхъ ими за матерей верблюженки, на нѣкоторое разстояніе и поставить за сопкою, и когда его приказаніе исполнили, сталъ мучить верблюженку. Тогда истинная мать верблюженки, услышавъ его крикъ, не могла удержаться на мѣстѣ и бросилась къ нему.

Нѣсколько времени спустя молва о мудромъ пастухѣ Эдыгѣ дошла до хана Тохтамыша; ханъ призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ табунщикомъ; Эдыгѣ сталъ пасти ханскихъ лошадей. Жена хана влюбилась въ Эдыгѣ и стала соблазнять его; Эдыгѣ не поддавался на ея соблазнительныя рѣчи; тогда она рѣшила, во чтобы-то ни стало, отмстить ему. Съ этою цѣлью она однажды сказала Тохтамышу, что звѣзда Эдыгѣ стоитъ выше звѣзды хана; она думаетъ такъ потому, что когда Эдыгѣ входятъ въ юрту хана, ханъ вздрагиваетъ. Чтобы убѣдить хана въ этомъ, ханьша воткнула на поверхности халата на ханѣ иголку; когда Эдыгѣ вошелъ въ юрту, иголка отлетѣла въ сторону. Замѣтивъ это, ханъ сталъ бояться Эдыгѣ и рѣшился убить его. Но открыто совершить убійство онъ не осмѣлился, потому что Эдыгѣ былъ большой силачъ и ловкій наѣздникъ. Поэтому, ханъ хотѣлъ погубить Эдыгѣ посредствомъ обмана; онъ объявилъ Эдыгѣ, будто онъ хочетъ выдать за него свою дочь и сталъ устраивать пиръ. Намѣреніе хана было — напоить Эдыгѣ виномъ и убить. Но объ этомъ ханскомъ намѣреніи Эдыгѣ предупредилъ его другъ Кекъ-Джембай, сынъ Кенеса (Кенесдынг-олы Кекъ-Джембай); онъ привелъ осѣдланнаго коня для бѣгства Эдыгѣ. Эдыгѣ бросился изъ юрты и, сѣвъ на лошадь, сказалъ:....¹⁾.

Услышавъ угрозы Эдыгѣ, Тохтамышъ разсердился и крикнулъ: «Ловите единца!» именемъ «единца» ханъ хотѣлъ намекнуть, что Эдыгѣ былъ единственный сынъ или безродный. Въ числѣ Тохтамышевыхъ людей, находившихся тутъ же, кромѣ Эдыгѣ, было еще семь другихъ единцевъ, которые тоже могли принять слова хана на свой счетъ. Эдыгѣ пустился бѣжать; съ нимъ вмѣстѣ побѣжали и семеро другихъ единцевъ. Тохтамышъ умолялъ Кекъ-Джембай, Кенесова сына, остановить своего друга. Подкупленный ханомъ, Джембай догоняетъ Эдыгѣ и уговариваетъ его вернуться. Эдыгѣ не соглашается и говоритъ Джембай: «Ты, Кенесовъ сынъ, Кекъ-Джембай, безумный Бекъ-Джембай, вернись-ка лучше обратно, а то сабля коснется твоей шеи и кровь обольетъ твою грудь!»²⁾. Кекъ-Джембай вернулся, а Эдыгѣ поѣхалъ къ Са-Темиру.

Дорогой Эдыгѣ встрѣтилъ Чуюнь-гулакъ-дэу³⁾, который увезъ у Са-Темиръ-хана дочь; у Чуюнь-гулакъ-дэу было сорокъ товарищей (крыкъ джулдасъ). Эдыгѣ подружился съ Чуюнь-гулакомъ и они разбили свои палатки рядомъ. Семь единцевъ, сопутствовавшихъ Эдыгѣ и сорокъ Чуюнь-гу-

¹⁾ Эта рѣчь Эдыгѣ изложена въ стихахъ, которые г. Султанъ-Газинъ забылъ. Эдыгѣ въ этой рѣчи говоритъ о зломъ, незаслуженномъ замыслѣ Тохтамыша; онъ говоритъ, что Тохтамышъ хочетъ убить его безъ всякой вины, и что онъ, Эдыгѣ, поѣдетъ къ Са-Темиру и съ помощью его убьетъ Тохтамыша.

²⁾ Эта рѣчь изложена въ стихахъ.

³⁾ Дэу — великанъ. Чуюнь-гулакъ, — „чугунное ухо“.

лаковыхъ товарищей гоняли вмѣстѣ лошадей на водопой. Однажды Эдыгѣ спрашиваетъ у своихъ единцевъ: «Отчего, когда вы пригоните лошадей на водопой, оттуда бываетъ слышенъ шумъ и гамъ?» Тѣ отвѣтили, что, спустившись къ водопою, они играютъ съ сорока товарищами Чуюнь-гулака, шутя воюютъ съ ними, и всякій разъ связываютъ ихъ. Эдыгѣ сказалъ имъ: «Завтра свяжите ихъ какъ можно крѣпче и такъ оставьте, а мнѣ поймайте и приведите чубарую лошадь Чуюнь-гулака!» Семеро товарищей Эдыгѣ такъ и сдѣлали. Эдыгѣ, сѣвъ на коня Чуюнь-гулака, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ, подкакалъ къ его палаткѣ и громкимъ голосомъ вызвалъ его на бой. Чуюнь-гулакъ выскочилъ и у входа въ палатку былъ застрѣленъ изъ лука; Эдыгѣ попалъ ему въ горло, единственное мягкое мѣсто въ его тѣлѣ; остальное тѣло Чуюнь-гулака было все желѣзное. Чуюнь-гулакъ не сразу умеръ; онъ сталъ ловить Эдыгѣ, но въ руки ему попался только конецъ хвоста чубарой лошади, который и оторвался. Вотъ оттого-то хвосты у чубарыхъ лошадей бываютъ короткіе.

Убивъ Чуюнь-гулака, Эдыгѣ взялъ дочь Са-Темира и доставилъ ее къ ея отцу. Са-Темиръ отдалъ ее за Эдыгѣ замужъ. Эдыгѣ, заслуживъ уваженіе у Са-Темира, отправился противъ Тохтамыша, раззорилъ его царство. Самъ Тохтамышъ былъ убитъ.

Отъ дочери Са-Темира у Эдыгѣ родился сынъ Нуралы. Когда Тохтамышъ былъ убитъ, была взята въ плѣнъ его дочь; изъ за нея вышелъ споръ у Эдыгѣ съ Нуралы, у отца съ сыномъ; Нуралы осердился и бросилъ въ отца находившуюся въ его рукахъ балалайку; балалайка попала Эдыгѣ въ руку и причинила переломъ руки, а тѣкъ (кобылка, подставка подъ струнами) выскочила и попала въ глазъ Эдыгѣ, отчего онъ потерялъ зрѣніе.

Когда Эдыгѣ раззорилъ ханство Тохтамыша и безпощадно убивалъ всѣхъ ближнихъ своего врага, онъ увидѣлъ одну рабыню Тохтамыша, пожалѣлъ убить ее и оставилъ ее живою на мѣстѣ стоянки аула. Рабыня эта была такая сильная, что когда мочилась, мочою размывала землю и дѣлала въ ней борозду. Она была съ зачатымъ отъ Тохтамыша ребенкомъ; она голодала въ степи и гдѣ-то въ пещерѣ родила сына Кей-Кувата, будущаго героя. Одновременно съ рожденіемъ его, кляча-кобыла, подобно рабынѣ, оставшаяся въ той-же степи, родила саврасаго жеребенка, будущаго знаменитаго Кулаша-атъ («саврасый конь»). На этомъ конѣ сражался Кей-Куватъ съ потомками Эдыгѣ послѣ того, какъ убилъ самого Эдыгѣ.

Дополнение, записанное при содѣйствіи г. Султанъ-Газина отъ киргиза въ урочищѣ Серембетъ.

У Нуралы, сына Эдыгъя, родился сынъ Нурзенинъ. Мать мучила его, была. Нуралы стало жалъ ребенка, онъ сталъ говорить, зачѣмъ она мучитъ ребенка. Она говоритъ ему, что она хочетъ, чтобы ребенокъ умеръ, потому что, если онъ вырастетъ, онъ будетъ поступать съ своимъ отцемъ, Нуралы, такъ же, какъ Нуралы поступилъ съ своимъ отцемъ Эдыгъ. Тогда Нуралы одумался, раскаялся въ своемъ жестокомъ обращеніи съ отцемъ и рѣшился просить у него прощенія. Онъ велѣлъ зашить себя въ шкуру, навѣсучить на лошадь, вести къ отцу и дорогой бить по шкурѣ палками. Нуралы привезли зашитаго въ шкуру въ юртѣ Эдыгъ. Когда Эдыгъ вышелъ изъ юрты, Нуралы сталъ говорить ему: Прости меня отецъ за то, что я обидѣлъ тебя. Отцу сдѣлалось такъ жалко сына, что, не смотря на то, что у него не было уже глазъ, онъ заплакалъ.

3 вариантъ. Записанъ мною отъ киргиза Війсенбе въ урочищѣ Серембетъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, Акмол. обл. при содѣйствіи г. Султанъ-Газина, который перевелъ сказку съ киргизскаго на русскій.

Былъ бай¹⁾ Толубай; у него былъ сынъ Исъ-тулѣ²⁾. Этотъ Исъ-тулѣ охотился за птицами съ ловчей птицей. Однажды онъ шелъ по берегу рѣки и встрѣтилъ дѣвицу, сидѣвшую на берегу и чесавшую волосы. Онъ хотѣлъ поймать ее, но она окунулась въ воду. На другой день онъ опять пришелъ на то же мѣсто и опять ее увидѣлъ. Онъ подкрался къ ней пѣши. Расчесывая волосы, она отбросила ихъ; они были въ десять кулашей³⁾ длиной. Исъ-тулѣ поймалъ ее; взялъ за волосы, намоталъ ихъ на руку, и когда она хотѣла окунуться въ воду, удержалъ ее. Она ушла въ воду и его увела съ собой. Онъ не помнитъ, сколько дней они пробыли подъ водой. Пришли въ юрту. Она говоритъ ему, что она выйдетъ за него замужъ, только съ условіемъ не смотрѣть ей на темя, подъ мышки и въ пятки. Она была дочь пери. Онъ женился на ней и живетъ съ ней подъ водой. Все тамъ было готово: пища и одежды, не было у него только лошади. Однажды утромъ послѣ утренней молитвы онъ рѣшился посмотреть на темя своей жены и увидѣлъ мозгъ, взглянулъ подъ мышки, увидѣлъ легкія, посмотрѣлъ на пятки, онъ какъ будто срубленъ. Жена узнала, что онъ смотрѣлъ и на темя, и подъ мышки, и на пятки, и говоритъ: „Ты не сдержалъ слова! У меня есть шестимѣсячный ребенокъ; ты найдешь его въ Египтѣ (Мысырѣ). И такъ, прощай!“ Сказавъ

¹⁾ Бай—„хозяинъ“, „богатый человекъ“.

²⁾ Иногда рассказчикъ произносилъ Юсь-тулѣ.

³⁾ Кулашъ—„маховая сажень“.

это, дѣвица превратилась въ лебедя и взлетѣла на чангарахъ¹⁾. Исъ-тулѣ тогда сказалъ дѣвицѣ: „Я попалъ сюда съ тобой изъ любви къ тебѣ. Какъ же я отсюда выйду?“ Дѣвица говоритъ ему: „Пока останься здѣсь. Потому самъ не замѣтишь, какъ будешь отсюда выброшенъ“. Она послѣ этого улетѣла, а онъ остался. Три дня онъ провелъ послѣ дѣвицы голодомъ; не было у него ни пищи, ни питья. Отъ голоду онъ лежалъ безъ чувствъ. Однажды онъ проснулся и увидѣлъ себя посреди степи; нѣтъ ни юрты, въ которой онъ спалъ, ни воды. Онъ всталъ и отправился на западъ. Шелъ, шелъ и пришелъ въ одинъ эль²⁾. Былъ тутъ одинъ бай, у котораго не было ни сына, ни дочери, а много было скота. Бай спросилъ его: „Откуда ты?“ „Нашей волости“, говоритъ тотъ; „моихъ родителей ограбили вражескіе люди, я остался одинокимъ мальчикомъ, питался дикими растеніями. Теперь вотъ пришелъ сюда. Я бы желалъ, чтобы меня усыновили бездѣтные люди“. Бай усыновилъ его и поручилъ ему пасти лошадей. Однажды утромъ онъ проснулся и увидѣлъ черепъ лошади; онъ обнялъ черепъ и заплакалъ. Проснувшись его товарищи, другіе табунщики. Когда они подѣхали къ нему, они слышатъ слова, которыя Исъ-тулѣ говоритъ черепу: „Кто тебя назоветъ черепомъ Тулпара, а меня кто назоветъ сыномъ Толубая, тотъ сынчи³⁾“. Табунщики рассказали объ этомъ баю, и тотъ не сталъ пускать его въ табунъ; онъ понялъ, что это мальчикъ хорошаго рода. Бай предоставилъ ему право осмотрѣть всѣ табуны всего эля, нѣтъ ли тутъ Тулпара. Исъ-тулѣ осмотрѣлъ табуны; не нашелъ въ нихъ Тулпаръ. Исъ-тулѣ говоритъ баю: „Шесть дней спустя черезъ эти мѣста пройдетъ караванъ; въ этомъ караванѣ есть бурый мастѣкъ (крѣпъ мастѣкъ)⁴⁾; это кляча, которая не можетъ везти телегу и потому идетъ проста; ты купи ее“. На шестой день послѣ этого разговора прибылъ караванъ. Караванные люди стали покупать лошадей, за одну сытую давали трехъ своихъ плохихъ. Бай увидѣлъ бураго мастѣка; онъ везъ шестиколесную арбу; бай спрашиваетъ хозяина каравана, не продастъ ли онъ эту лошадь. Тотъ запросилъ шесть лошадей; бай отдалъ шесть лошадей и взялъ мастѣка⁵⁾. Исъ-тулѣ велитъ баю купить еще трехъ мастѣковъ; бай послушался и они вернулись отъ каравана домой съ четырьмя мастѣками. Исъ-тулѣ говоритъ баю: „Дайте мнѣ этихъ четырехъ мастѣковъ, я буду кормить ихъ“. Взялъ ихъ и увелъ на аралъ⁶⁾, а самъ вернулся домой. Черезъ три мѣсяца Исъ-тулѣ привелъ одного мастѣка и зарѣзалъ; черезъ три мѣсяца опять привелъ одного

¹⁾ Чангарахъ—деревянный обручъ, образующій вершину юрты.

²⁾ Эль—„поколѣние“, „родъ“.

³⁾ Сынчи—„знатокъ“; сынъ—„узнай достоинства ястреба“.

⁴⁾ Мастѣкъ—помѣсь киргизской породы лошади съ русской крестьянской.

⁵⁾ Тутъ какое-то противорѣчіе съ предыдущимъ.

⁶⁾ Аралъ—„островъ“ или „изгибъ рѣки“.

и тоже зарѣзалъ. Бай спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ рѣжетъ лошадей. Ись-тулѣ говорить, что онъ хочетъ посмотрѣть на кости, побѣлѣли онѣ, или нѣтъ ¹⁾. Черезъ четыре мѣсяца Ись-тулѣ зарѣзалъ еще одного мастѣка, третьяго. Потомъ привелъ четвертаго. У четвертаго кости побѣлѣли; теперь, думаетъ Ись-тулѣ, его можно въ бѣгъ пускать. Это былъ Тулпаръ. Бай спрашиваетъ Ись-тулѣ, зачѣмъ онъ дѣлалъ это. Если будутъ скачки, говорить Ись-тулѣ, подыраю Тулпара и пушу въ бѣгъ. Бай говорить, что два мѣсяца спустя среди трехъ джюзовъ ²⁾ будетъ большая байга ³⁾. До того времени Ись-тулѣ все готовилъ лошадь. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ устраивается байга. Бай спрашиваетъ, кто будетъ сѣдокомъ? Ись-тулѣ говорить, что онъ самъ сядетъ на Тулпара. Собрался народъ на скачку, пустили лошадей. Ись-тулѣ съ Тулпаромъ остался сначала сзади всѣхъ лошадей. Когда скакуны прибыли на середину разстоянія, Тулпаръ опередилъ половину лошадей. Въ то время Тулпаръ былъ завьюченъ двумя мѣшками съ пескомъ. Ись-тулѣ пощупалъ одинъ мѣшокъ: песокъ былъ горячій; онъ разрѣзалъ мѣшокъ ножомъ и песокъ высыпался. Тогда Ись-тулѣ былъ почти впереди всѣхъ лошадей. Онъ разрѣзалъ другой мѣшокъ и изъ него высыпалъ песокъ, и опередилъ всѣхъ лошадей. Опережая, простился на скаку со всѣми товарищами и сказалъ имъ: „вы меня не догоните! отдайте призы (байгы) безъ спора“. Въ призѣ было 50 лошадей, 100 барановъ и 50 верблюдовъ. Когда Ись-тулѣ прибѣжалъ къ ауламъ, всѣ бросились ловить его, но не могли догнать. Кто-то сѣлъ на сѣрую кобылу, погнался и чуть было не догналъ его. Это была кобыла того бая, который усыновилъ Ись-тулѣ. „Меня никто не догонитъ“, сказалъ Ись-тулѣ. „Эта кобыла не „тулпаръ“, только въ утробѣ ея есть жеребенокъ „тулпаръ“. Пусть бай кормить ее хорошенько. Прощайте!“

Сказавши это, Ись-тулѣ уѣхалъ. Отецъ его Толубай услышалъ топотъ Тулпара и сказалъ: „На Тулпарѣ можетъ сидѣть только мой сынъ или я“. Онъ собралъ весь свой народъ и велѣлъ плести веревки изъ шелка. Потомъ еще сказалъ: „Поймать Тулпара невозможно; нужно какъ-нибудь накинуть петлю на сѣдока“. У Ись-тулѣ была сестра Гуль-джамилъ; она тоже была вѣщая. Она тоже услышала топотъ. Наконецъ, увидѣли пылъ. Люди протянули шелковую веревку поперекъ дороги Тулпара, но не могли удержать лошадь, сняли съ нея сѣдока. Нѣсколько дней Ись-тулѣ оставался безъ чувствъ, потомъ пришелъ въ чувство и остался жить у отца.

Пери, съ которою жилъ Ись-тулѣ, родила сына. Въ царствѣ Тохтомыса была кэмпырь, ⁴⁾ у которой было пять коровъ. Она сама пасла ихъ. Она

¹⁾ Чѣмъ жирѣе животное, тѣмъ кости дѣлаются бѣлѣе.

²⁾ Джюзъ—орда, собственно „сотня“.

³⁾ Байга—„скачки“.

⁴⁾ Кэмпырь „старуха“.

нашла мальчика, родившагося отъ пери, привела въ свой домъ, усыновила и заставила пасти ея коровъ. Ребенокъ выросъ у нея. Старуха отдала его муллѣ и подарила ему за ученіе теленка. Черезъ пять лѣтъ сынъ сдѣлался муллою. Когда достигъ двѣнадцати лѣтъ, его называли Эдыге. Мальчикъ продолжалъ пасти телятъ. Всѣхъ тутъ было сорокъ мальчиковъ (кыркъ-бала); Эдыге сказалъ имъ: „Давайте, выберемъ одного изъ насъ ханомъ!“ Какимъ же способомъ изберемъ? спросили тѣ. Онъ сказалъ тогда: „Кто зарѣжетъ теленка, того и изберемъ“. Ни одинъ мальчикъ не рѣшился зарѣзать, всѣ боялись родителей. Эдыге сказалъ: „Я зарѣжу“, зарѣзалъ и накормилъ другихъ дѣтей. Кости собралъ, положилъ на шкуру и завернулъ въ нее, ударилъ палочкой по шкурѣ, теленокъ ожилъ и побѣжалъ. Послѣ этого мальчики признали Эдыге своимъ ханомъ. Эдыге каждый день рѣзалъ по теленку и каждый день воскрешалъ; послѣ и другіе стали рѣзать, а Эдыге оживлялъ зарѣзанныхъ и сѣдненныхъ.

Въ то время у Тохтомыса былъ визирь Джанбай. Случилось такъ, что Джанбай со свитой долженъ былъ ѣхать мимо того мѣста, гдѣ сорокъ мальчиковъ пасли телятъ. Эдыге приказалъ дѣтямъ, чтобъ они не дѣлали поклона Джанбаю и его свитѣ, когда тѣ будутъ ѣхать мимо. Дѣти не дали поклона. Джанбай спросилъ у дѣтей: „Почему вы съ нами не поздоровались? Мы старше васъ“. Эдыге отвѣтилъ: „Насъ сорокъ, а васъ только двое; нашихъ лѣтъ вмѣстѣ болѣе, чѣмъ вашихъ“. Одинъ мальчикъ сказалъ Джанбаю: „У насъ есть ханъ, который не велитъ давать поклонъ“. Гдѣ же вашъ ханъ? спросилъ Джанбай. Мальчики показали на Эдыге. Джанбай спросилъ у Эдыге: „Почему ты не велишь своимъ подданнымъ давать намъ поклонъ?“ Я отвѣтъ уже далъ, сказалъ Эдыге. Обдумайте!

Джанбай пріѣхалъ къ Тохтамыс-хану и разсказалъ ему, что встрѣтилъ сорокъ мальчиковъ, которые одного изъ своей среды избрали ханомъ, и что они, по приказанію своего хана, не дали ему поклона, а когда ихъ спросили о причинѣ, они сказали, что ихъ сорокъ и что число лѣтъ у нихъ больше. Тохтомыс сказалъ: „Они правы, потому что по шаригату меньшее число должно отдавать поклонъ большому числу“.

Однажды мимо сорока дѣтей проѣхалъ какой-то человекъ, увидѣлъ лежащаго зайца, вернулся домой, взялъ ружье и ѣдетъ опять къ зайцу. Но во время его отсутствія подѣхалъ къ зайцу другой человекъ съ ружьемъ, убилъ зайца и взялъ его. Они встрѣтились. Первый увидѣлъ зайца въ рукахъ у второго и выхватилъ его. Заспорили, подрались и рѣшили поѣхать къ хану Тохтомысу судиться. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: „Не разсудитъ ли насъ кто-нибудь изъ этихъ сорока мальчиковъ?“ Они пришли къ сорока мальчикамъ и спрашиваютъ: „Нѣтъ ли между вами, кто бы рѣшилъ нашъ споръ, про-

испешдшій изъ-за зайца? Одинъ изъ мальчиковъ сказалъ: „Есть у насъ ханъ, онъ можетъ разсудить васъ“. Мальчики показали на Эдыге. „Если будете довольны нашимъ рѣшеніемъ, мы дадимъ вамъ правосудіе“, сказалъ имъ Эдыге. Спорившіе изъ-за зайца сказали: „Мы будемъ довольны (ризамы)!“ Кто первый выстрѣлилъ въ зайца? спросилъ Эдыге. „Я выстрѣлилъ“, сказалъ тотъ, которой подѣхалъ къ зайцу послѣ. Зачѣмъ же спорите? спросилъ Эдыге у другого. Тотъ сказалъ: „Я увидѣлъ первый лежавшаго зайца, пошелъ домой за ружьемъ, а когда вернулся, другой человекъ уже убилъ его и взял“. Покуда ты несъ ружье, заяцъ развѣ не могъ уйти? спросилъ Эдыге. „Заяцъ лежалъ; онъ не убѣждалъ бы, если его никто не испугалъ“. Эдыге сказалъ: „Я рѣшу это дѣло. Принесите ребенка въ люльки!“ Принесли ребенка; Эдыге велѣлъ положить зайца на ребенка и сказалъ первому стрѣлку (это былъ Джанбай). „Стрѣлай въ зайца. Если попадешь въ зайца, то возьмешь зайца; если угодишь въ ребенка, заплатишь стоимость ребенка“. Джанбай выстрѣлилъ; пуля попала въ зайца, не задѣвъ ребенка. Джанбай взялъ зайца. Спорившіе ушли, довольные мудрымъ рѣшеніемъ.

Два дня спустя послѣ того два человекъ заспорили о двухлѣтнемъ верблюженкѣ (тайлякѣ). Они сказали другъ другу: „Пойдемъ къ сорока мальчикамъ, что они скажутъ, то пусть и будетъ“. Два человекъ пришли къ дѣтямъ; одинъ говоритъ: „Этотъ верблюженокъ отъ моей верблюдицы“ и другой говоритъ: „отъ моей“. Одинъ изъ нихъ опять былъ Джанбай; на самомъ дѣлѣ, верблюженокъ былъ отъ верблюдицы его противника. Эдыге спросилъ: „Есть ли у верблюженка мать?“ и велѣлъ привести ее. Оба спорщика привели по верблюдицѣ. Эдыге велѣлъ положить ихъ. Потомъ, по привязанію Эдыге, свалили двухлѣтняго верблюженка, привязали къ его лапѣмъ веревку, стали за нее тянуть и, такимъ образомъ, заставили верблюженка кричать. Тогда верблюдица-мать вскочила и подбѣжала къ нему, а Джанбаева верблюдица осталась неподвижно лежащею. Эдыге отдалъ верблюженка настоящему его хозяину. Тогда Джанбай сказалъ Тохтомысу: „Я видѣлъ сына одной старухи, котораго я испыталъ (байкадымъ). Онъ достоинъ служить вамъ. Возьмите его!“ Джанбай пошелъ къ старухѣ передать повелѣніе хана, но старуха сказала, что это ея собственный сынъ, родившійся послѣ смерти мужа, и что она никому его не отдастъ, кромѣ Бога. Джанбай передалъ слова старухи Тохтомысу, что она не дастъ своего сына, что онъ кормить ее и пасетъ ея небольшой скотъ. Тохтомысъ опять посылаетъ Джанбая къ старухѣ, обѣщаетъ дать ей серебра и золота и отпустить Эдыге къ ней въ гости. Старуха отдала сына и сама приковывала къ хану; ханъ далъ ей много скота, а Эдыге усыновилъ и далъ ему лошадь и сокола; каждый день по утрамъ Эдыге входилъ въ юрту къ хану.

Жена хана была вѣщая. Она сказала Тохтомысу, что духъ Эдыге выше Тохтомысова, потому что, когда онъ входитъ, Тохтомысъ трясется. Тохтомысъ говоритъ: „Неправда! духъ сына не можетъ быть выше духа отца“. Тогда жена приткнула иголками подолъ ханскаго одѣянія къ ковру, на которомъ ханъ сидѣлъ. Когда утромъ Эдыге зашелъ къ хану сказать саламъ¹⁾, ханъ всталъ съ мѣста; иголки всѣ сломались. Ханъ сѣлъ; немного побесѣдовали, поѣли и Эдыге ушелъ. Ханьша сказала хану: „Смотрите на иголки, если не вѣрите мнѣ“. Ханъ увидѣлъ, что всѣ иголки сломаны и сказалъ: „Ты правду говоришь. Что мнѣ съ нимъ дѣлать?“ Ханьша сказала: „Пусть такъ ходитъ“.

Эдыге занимался охотой, рѣдко ходилъ къ хану. Однажды, когда Эдыге вышелъ на охоту, за нимъ ханъ и самъ то же уѣхалъ. Эдыге раньше хана вернулся домой. Жена Тохтомыса зазвала его къ себѣ черезъ рабыню, угостила его и призналась ему въ своей любви. Эдыге сказалъ ей: „Мнѣ грѣхъ любить тебя, твой мужъ мнѣ отецъ“. Эдыге не согласился раздѣлить ея любовь и ушелъ. Черезъ день пріѣхалъ Тохтомысъ-ханъ. Ханьша наклеветала на Эдыге; она сказала: „Эдыге въслѣдствіи отниметъ у васъ народъ и власть; необходимо найти средство уничтожить его“. „Какъ же его теперь убить?“ спрашиваетъ ханъ. „Знатные его любятъ, Джанбай его другъ“. Ханьша говоритъ: „Завтра, когда онъ придетъ утромъ сказать саламъ, нужно напоить его мочей, а потомъ медомъ. Если онъ выпьетъ мочу, то онъ умретъ съ горя, а если не умретъ съ горя, то его нельзя будетъ убить ничѣмъ, потому что онъ человекъ храбрый!“ Ханьша наполнила чашку своей собственной мочей, и когда утромъ Эдыге пришелъ къ хану, ему подали эту чашку. Онъ взялъ ее и выпилъ жидкость. Ханьша спросила, какъ онъ находитъ напитокъ. Онъ отвѣтилъ ей, что напитокъ пріятный, только посуда старая. Потомъ подали ему медъ. Эдыге провѣлъ на медѣ ножомъ крестъ на крестъ, выпилъ и вышелъ изъ юрты. Жена спросила Тохтомыса, понялъ ли онъ знаки Эдыге; тотъ сказалъ, что онъ ничего не понялъ. Ханьша объяснила ему, что если онъ выпилъ медъ, предварительно какъ бы разрѣзавъ его на четыре части, это значитъ, что онъ хочетъ весь народъ раздѣлить на четыре части и сдѣлать бунтъ. Она совѣтуетъ послать за нимъ Джанбая, позвать его и убить. Посланный ханомъ Джанбай догналъ Эдыге, но близко не могъ къ нему подѣхать. Эдыге ѣхалъ по другому берегу рѣки Эдилъ; боясь близко подѣхать къ Эдыге, Джанбай съ другого берега говоритъ ему: „Вернись, Эдыге! будешь медъ пить. Тохтомысъ подаритъ тебѣ бѣлую лошадь“ (бозатъ). Эдыге отвѣтилъ ему, онъ не поѣдетъ. Джанбай говоритъ, что Тохтомысъ дастъ ему дѣвицу. Эдыге отвѣчаетъ, что все-таки не поѣдетъ. Джанбай говоритъ, что Тохтомысъ дастъ ему бѣлаго сокола. Тогда Эдыге разсердился и пропѣлъ:

¹⁾ Саламъ „привѣтствіе“.

Кенистынгъ олы кекъ Джанбай
Акылынгъ джокъ бокъ Джанбай
Камчи тьеръ мойнынга
Канъ соргаларъ койнынга
Сень тертоу менъ джангызъ
Дамангъ боса кель Джанбай!

Т. е.

Джанбай, смѣлый сынъ Кениса,
Джанбай дрянъ, лишенный ума,
Плеть прикоснется къ твоей шеѣ,
Кровь заструится за твою пазуху!
Ты вчетверомъ, а я одинъ —

Если есть у тебя желаніе, подойди-ка, Джанбай!

Тогда Джанбай испугался и вернулся къ Тохтомысу.

Въ то время былъ одинокій старикъ по имени Именъ-джирау; щеки его были подвязаны, чтобъ не упала нижняя челюсть. Тохтомыс послалъ его, чтобъ вернуть Эдыге. Именъ-джирау подѣхалъ къ рѣѣ Эдилъ и приглашаетъ Эдыге переѣхать на эту сторону. Онъ рассказываетъ Эдыге, что на своемъ вѣку онъ много видѣлъ людей и царей. „Я видѣлъ, говорилъ онъ, хана Джаналы, который слушался моихъ совѣтовъ. Я видѣлъ Джангызъ-хана, и онъ меня слушалъ. Тауко-хана я видѣлъ, и онъ меня слушалъ. Исымъ-хана видѣлъ, и онъ меня слушалъ. Тасы-хана видѣлъ, всѣ они меня слушали. Тасемиръ-хана видѣлъ, и онъ меня слушалъ“. Эдыге хотѣлъ было уже переѣхать на тотъ берегъ, на которомъ стоялъ старикъ Именъ-джирау. Старикъ продолжалъ: „Тохтомыс-хана видѣлъ, и тотъ меня слушалъ. Вернись къ хану, Эдыге!“ Какъ только онъ сказалъ эти послѣднія слова, у него развязалась повязка на щекахъ, нижняя челюсть повисла и онъ не могъ больше говорить. Эдыге чуть было не рѣшился послушаться, чуть было не вернулся къ Тохтомысу, но раздумалъ и сказалъ старику, что поѣдетъ къ Тасемиру, и если Тасемиръ дастъ войско, то ограбить Тохтомыса.

У Тасемира не было сыновей; была только одна дочь. Въ то время калмыцкій болванъ ¹⁾ Ирѣ-Джого хотѣлъ отнять эту дочь. Эдыге говоритъ Тасемиру: отдай мнѣ твою дочь! „Я бы радъ отдать“, говоритъ Тасемиръ, „свою дочь за мусульманина, но Ирѣ-Джого силой ее отниметъ“. Эдыге посоветовалъ поставить для Ирѣ-Джого отдѣльную юрту на дальнемъ разстояніи и научилъ Тасемира, чтобъ онъ сказалъ калмыцкому болвану, что онъ желаетъ выдать за него дочь и выдастъ, но только подъ условіемъ, если болванъ преодолѣетъ ханскаго силача въ борьбѣ и если калмыцкій бѣгунецъ

¹⁾ Болванъ—великанъ, силачъ.

опередить ханскаго бѣгуна. Если калмыцкій силачъ не побѣдитъ, то калмыкъ долженъ отказаться отъ дѣвицы. Калмыцкій болванъ согласился. Эдыге пустилъ свою лошадь въ бѣгъ съ лошадью калмыка; у калмыка сѣдокомъ была старуха, у Эдыге мальчикъ. Эдыге влезъ на воткнутую пилу и видитъ съ нея, что мальчикъ его спитъ, положивъ турсуку ¹⁾ подъ голову. Эдыге выстрѣлилъ изъ лука въ турсуку и попалъ въ него; мальчикъ проснулся, свѣтъ на лошадь и хотѣлъ пуститься догонять старуху; лошадь его нейдетъ; посмотрѣлъ, ноги ея связаны. Мальчикъ разрѣзалъ путы, взялъ двѣ горсти земли (глины) и догналъ старуху. Старуха говоритъ: Пріѣхалъ ли со мной? Эдыге бросилъ ей въ глаза землю и Эдыгеева лошадь пришла первая, лошадь калмыка отстала. Потомъ Эдыге и Ирѣ-Джого стали бороться. Они боролись три дня и, наконецъ, Эдыге побѣдилъ, изломалъ у Ирѣ-Джого ребра. Ирѣ-Джого съ товарищами уѣхали домой; на дочери Тасемиръ-хана женился Эдыге и остался жить у свекра.

Жена Эдыге забеременѣла и родила сына. Его называли Нуралы. Пятнадцать лѣтъ Эдыге прожилъ у Тасемира; Нуралы достигъ пятнадцатилѣтняго возраста. Эдыге просилъ у Тасемира войска, чтобъ ограбить Тохтомыса; тотъ далъ ему сорокъ тысячъ и Эдыге отправился. Онъ раздѣлилъ владѣнія Тохтомыса на четыре части и ограбилъ его. Тогда Тохтомыс бѣжалъ. Одна птица кызгышъ ²⁾ парила надъ Тохтомысомъ; она одна только видѣла его. Нуралы замѣтилъ птицу, понялъ, что Тохтомысъ находится тутъ и они, отецъ съ сыномъ, пошли поближе. Въ то время они слышали, что Тохтомысъ плачетъ, прощаясь съ своимъ ружьемъ, пикой, съ землями, съ народомъ, съ саблей, и говорить пиголицѣ: «Пиголица, пиголица! Меня убьютъ, ты останешься. Ты меня не показывай! Ты останешься на мѣстѣ битвы, гдѣ я одинъ буду биться противъ Эдыге, который будетъ вдвоемъ; такимъ образомъ, успокоится моя душа—сердце» (Кызгышъ, кызгышъ! Менъ улементъ, сень каларсентъ! курсетпаякъ койсанчи! Идыге икеу, менъ джалгызъ атысканъ джердѣ каларсентъ! свйтубъ коунгымъ тынарсентъ)! Въ это время пришелъ Нуралы и закололъ Тохтомыса пикой. Эдыге съ сыномъ пріѣхалъ въ орду ³⁾ хана и весь народъ покорился ему.

Эдыге взялъ двухъ дочерей Тохтомыса и вернулся къ Тасемиръ-хану. Эдыге взялъ обѣихъ дочерей себѣ, такъ что у него стало три жены. Изъ-за этихъ двухъ дочерей Тохтомыса Эдыге поссорился съ сыномъ Нуралы; Нуралы ослѣпилъ отца.

¹⁾ Турсуку—кожаная посуда для кумыса съ узкимъ горломъ.

²⁾ Кызгышъ—пиголица.

³⁾ Орду—ханская ставка, ханская резиденція.

Отъ дочери Тохтомыса у Эдыге родился сынъ по имени Токжой. Эдыге былъ сынъ Тасемиръ-хана и былъ очень близокъ къ нему. Ирѣ-Джоко прѣхалъ къ владѣніямъ Тасемиръ-хана съ сорокатысячнымъ войскомъ и сталъ требовать дочь его. Три мѣсяца сражались; послѣ трехъ мѣсяцевъ все люди Ирѣ-Джоко были перебиты, остался одинъ только Ирѣ-Джоко. Вышли на поединокъ Эдыге съ Ирѣ-Джоко. Три дня они боролись, сидя верхомъ на лошадахъ; Эдыге прокололъ противника пикой въ грудь, отрѣзалъ у Ирѣ-Джоко голову и отдалъ ее Тасемиру.

Между тѣмъ, Токжой выросъ; ему дали лошадь Кулаштъ-атъ. Жена совѣтуетъ Токжой, чтобы онъ вышелъ навстрѣчу занимавшемуся охотой Нуралы. Она говоритъ ему: Нуралы убилъ Тохтомыса, моего отца; нужно отметить за Тохтомыса. Кромѣ того, онъ ослѣпилъ Эдыге, твоего отца. Поѣзжай къ Нуралы, скажи ему: отомщу тебѣ за отца! и самъ тотчасъ же убѣгай! Послѣ того, вѣроятно Нуралы, самъ умеръ съ горя. Токжой такъ и сдѣлалъ, сказавъ: отомщу тебѣ за отца! и убѣжалъ. Нуралы не могъ догнать его. Токжой прѣхалъ къ матери и говоритъ ей: „Я сказалъ“. Тогда Нуралы сказалъ: „Если-бъ я зналъ, что Токжой, родившійся отъ рабыни (куманъ), будетъ чужой, то убилъ бы его въ малолѣтствѣ“. Нуралы не могъ придти въ юрту Эдыге, потому что Токжой жилъ вмѣстѣ съ Эдыге. Впослѣдствіи Нуралы съ горя умеръ, Токжой остался при Эдыге.

4 вариантъ. Записанъ А. А. Калачовымъ отъ киргизки въ Алтайской станицѣ, въ долинѣ Бухтармы (въ Алтайѣ).

Эдыге жилъ у хана Тохтомыса въ работникахъ. Когда онъ, бывало, войдетъ къ нему въ юрту, Тохтомыс не можетъ усидѣть на мѣстѣ, но самъ этого не замѣчаетъ; замѣчаетъ только его жена Тогай-бюю-бю. Зачѣмъ ты встаешь съ мѣста? спрашиваетъ она, но Тохтомыс самъ этого не замѣчаетъ и отпирается. Тогда она приткнула его одежду иглой. Когда на завтра Эдыге вошелъ въ юрту, ханъ всталъ, самъ того не замѣчая, и сломалъ иглу. Стали тогда все бояться Эдыге и задумали убить его. „Если не уберемъ, то сведетъ онъ насъ со свѣту“, думаютъ. Они догадались, что ножомъ не убить имъ его ни пѣшаго, ни на лошади; надумали напоить его пьянымъ. Когда стали его потчивать, онъ догадался; придрѣлалъ пузырь подъ одежду и сталъ туда лить вино. Въ то время, какъ Эдыге притворялся пьянымъ, его товарищъ обрѣзалъ лѣвыя стремяна у всехъ сѣделъ. Эдыге бросился бѣжать, погоня же попадала съ сѣделъ. Кромѣ Эдыге было семь одинокихъ человѣкъ; имъ приказали ловить Эдыге, но они отказались ловить такого же одинокого, какъ и они сами. Когда Эдыге убѣжалъ, Джамбай и Комбай, Тохто-

мысовы слуги, поѣхали догонять его и кричали ему: „Возвратись, Эдыге, черезъ рѣку Эдилъ назадъ, хорошо вышитую золотомъ одежду надѣнешъ на тебя царь, золотымъ сѣдломъ велить осѣдлать коня“. „Дураки, отвѣчаетъ Эдыге, убирайтесь, а то задержу васъ плетью! Убирайтесь къ своему хану. Если я сейчасъ не поѣду и этого Сатимира ¹⁾ (богатыря хана) не убью и не стану въ пропасть, если Тохтомысову жену не сдѣлаю сиротою, если его двухъ дочерей Атякѣ и Тютихе не погоню вмѣсто лошадей и не сдѣлаю ихъ, какъ черные потники, не буду я Эдыге!“ И поѣхалъ къ Сатимиру, собралъ всехъ киргизъ и съ этимъ войскомъ отправился противъ Тохтомыса. Эдыге разбилъ все царство Тохтомыса; Тохтомыс бѣжалъ; одежду его затоптали въ грязь, жену его Эдыге сдѣлалъ сиротою, а двухъ дѣвицъ за лошадей погнали, Тохтомыса хотѣли убить, — всехъ мертвыхъ перебрали, но его не нашли между ними. Когда Тохтомыса искали, Эдыге замѣтилъ, что птица все къ одному мѣсту летаетъ. Эдыге пошелъ за ней и видитъ, краснѣетъ шуба Тохтомыс-хана; когда онъ его нашелъ, подѣхалъ и поднялъ на пикъ. Поднявши на пикъ, Эдыге спрашиваетъ его: „Ну, каково тебѣ, Тохтомыс?“ Все же на пикѣ выше тебя, отвѣтилъ ханъ. Эдыге прокололъ его пикой, ханъ скатился по пикѣ до земли и сказалъ тогда: „теперь я ниже тебя, Эдыге!“ и умеръ. Все его имущество, жены и дѣвицы были забраны въ плѣнъ. Все рушилось; остался одинъ жеребенокъ и въ зыбѣхъ одинъ ребенокъ. Когда жеребенокъ выросъ, когда и мальчикъ отъ Тохтомысовой стряпки Кейкюватъ тоже выросъ, онъ сѣлъ на саврасаго коня и сталъ разыскивать Эдыге. У Эдыге былъ сынъ Нурилай. Кейкюватъ сразился съ Нурилаемъ; подѣхалъ къ нему и три раза сказалъ ему: „умри, умри, умри?“ Тотъ разгорячился и умеръ отъ злости. Когда стали осматривать его сердце, увидѣли, что одна половина его изъ рога, другая изъ кошмы. Потомъ Эдыге убилъ Кейкювата и его саврасаго коня, и сталъ управлять всею народомъ. Эдыге сначала былъ бродягой, а потомъ дошелъ до ханскаго званія.

Примѣчаніе.

Сказка объ Идыге распространена у тюрковъ западной Сибири, т. е. у киргизъ и у татаръ Тобольской и Томской губерній, по крайней мѣрѣ только у этихъ племенъ она была до сихъ поръ записана; именно, В. В. Радловъ слышалъ ее въ трехъ мѣстахъ: 1) у барабинскихъ татаръ племени Тагаһа на р. Каргатѣ, въ Томской губ. (Radloff, Proben, IV, 35), 2) у татаръ деревни Ulu-kan на Иртышѣ, въ Тобольской губ. (ibid., 164) и 3)

¹⁾ Вѣроятно, ошибка; вмѣсто Сатимира слѣдовало сказать: Тохтомыса.

у татаръ въ Саргатской волости при устьѣ Ишима, въ Тобольской губ. (ibid., 241). Первый вариантъ самый полный изъ записанныхъ г. Радловымъ; въ Саргатской волости записаны только стихи, которые произносятъ дѣйствующія лица сказки, Тохтамышъ, Мыратымъ и Ченбай. Въ томъ Proben, который посвященъ киргизскому фольклору, сказки объ Идыге нѣтъ. Киргизскіе варианты ждутъ еще собирателя; у киргизъ ордынской герой Идыге вѣроятно, еще болѣе популяренъ, чѣмъ у сибирскихъ татаръ; киргизы указываютъ въ своихъ степяхъ могилу Идыге; она находится на вершинѣ одной горы въ горной группѣ Улу-тау, лежащей между рѣками Ишимомъ и Сары-су; эта гора и сама слыветъ въ народѣ подъ именемъ Идыге ¹⁾.

Одинъ изъ киргизскихъ вариантовъ былъ записанъ покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ, по всей вѣроятности, въ Кокчетавскомъ округѣ; я помѣстилъ въ «Живой Старинѣ», 1891 г., вып. 4, стр. 156, извлечение изъ этой записи съ приложеніемъ записанныхъ Валихановымъ же киргизскихъ версій начала сказки. Въ настоящей статьѣ, въ самомъ ея началѣ, мы помѣстили четыре киргизскихъ варианта сказки объ Идыгѣ; такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ пять напечатанныхъ киргизскихъ вариантовъ; два изъ Кокчетавскаго округа (одинъ Валихановскій); третій съ рѣки Токрау, четвертый изъ Тарбагатайскаго хребта, и пятый изъ Бухтарминской долины въ Алтай.

Для полноты ознакомленія читателей со сказкой объ Идыге, мы передадимъ здѣсь въ краткомъ изложеніи также и варианты г. Радлова.

1) Барабинскій вариантъ. Въ народѣ Тохтамышъ-хана жилъ старикъ; онъ побѣхалъ утромъ смотрѣть свой скотъ и слышалъ голосъ ребенка, искалъ и нашелъ его спрятаннымъ въ высокой травѣ. Старикъ не имѣлъ дѣтей и взялъ его, чтобы воспитать. Это былъ мальчикъ. Онъ повезъ его своей женѣ, положивъ за пазуху; но такъ вести оказалось неудобнымъ и

¹⁾ Мы сомнѣваемся, чтобы то, что киргизамъ извѣстно подъ именемъ Идыге, было дѣйствительно могила. Могилы устраивались въ степяхъ обыкновенно или въ открытой степи, на перекресткахъ дорогъ и у переправъ черезъ рѣки, или при подошвѣ горъ, но на горахъ, на ихъ вершинахъ или на горныхъ перевалахъ складывались только „обо“, священные кучи камней, а не могилы. Не такое ли „обо“ принято киргизами за могилу? За такое мнѣніе говорить и то, что сами киргизы называютъ кучу камней на вершинѣ горы Идыге не мола, „могила“, а оба (Идыганынг обасы); см. Ж. Стар., 1891, в. 4, стр. 157. Первое извѣстіе объ этой горѣ еще въ прошломъ столѣтіи записалъ Стралленбергъ: «Русскіе въ Сибири рассказывали мнѣ, что на горѣ Игикѣ, лежащей между рѣками Ишимомъ и Иртышемъ, находится пирамида, на которой будто бы, и теперь еще видны письмена... Это мѣсто находится въ дикой степи, гдѣ безпрестанно снуютъ казацкая орда (В. Радловъ, Сибирскія древности, 1891, т. I, в. I, стр. 40). Впрочемъ, киргизы примѣняютъ слово „оба“, если не къ современнымъ, то къ древнимъ (чуждымъ) могиламъ; то же дѣлаютъ и татары Минусинскаго округа, Енис. губ.

онъ засунулъ его въ свой сапогъ. Когда онъ привезъ его домой, жена сказала: «Мы не имѣли сына, теперь имѣемъ!» и стала кормить его молокомъ. Когда вздумали дать ему имя, собрали сосѣдей. Тѣ, выслушавъ разсказъ о томъ, какъ дитя было найдено, сказали: «Онъ былъ привезенъ въ сапогѣ (итугѣ), такъ пусть же имя его будетъ Идыгѣ-пи (Idägä-pi)!» Когда Идыгѣ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ сталъ играть съ мальчиками въ коньки, ѣздить на палочкахъ (Stekenpferd); въ играхъ участвовало 50—60 мальчиковъ; одинъ мальчикъ укралъ конька (Steckenpferd). Воръ былъ открытъ, но товарищи простили ему его вину. Онъ сдѣлалъ это во второй разъ, и во второй разъ ему простили. Въ третій разъ рѣшили выбрать изъ своей среды князя и судить. Былъ выбранъ Идыгѣ; онъ присудилъ вора къ смерти и приговоръ былъ исполненъ. Родители казненнаго узнали, какъ это случилось и донесли Тохтамышъ-хану. Ханъ призвалъ Идыгѣ; тотъ сказалъ царю, что онъ не одинъ, что у него есть подданные. Позвали къ царю дѣтей. Царь выслушалъ ихъ разсказъ и нашелъ приговоръ правильнымъ. Казненнаго похоронили, а Идыгѣ воротился къ родителямъ. Они сказали ему: «Оставь, дитя, игру въ цари. Кто пасетъ скотъ, тотъ питается пищей, кто пасетъ народъ, тотъ питается кровью». Идыгѣ вернулся къ домашнимъ занятіямъ.

Однажды онъ пасъ скотъ; ѣдутъ два челоѣка на верблюдахъ и при нихъ верблюженокъ. Одинъ изъ этихъ проѣзжавшихъ былъ Цанъ-пай (Tsap-pai), который дѣлалъ для Тохтамыша кумысъ и вино. Цанъ-пай сказалъ: «Ты умѣешь судить. Разсуди. Этотъ верблюженокъ родился отъ моей верблудицы, а вотъ онъ говоритъ, что онъ отъ его верблудицы». Идыгѣ велѣлъ привязать верблудицъ къ колыямъ, верблюженка между ними и бить его. Когда верблюженокъ заревѣлъ, Цанъ-паева верблудица продолжала ѣсть траву, а другая повернула къ кричащему верблюженку свою голову. Идыгѣ сказалъ: «Цанъ-пай! это не твоя верблудица!»

Когда Идыгѣ было семь лѣтъ, Тохтамышъ сказалъ Цанъ-паю: «У меня есть соколъ и ястребъ, но я не имѣю ловчаго и нѣтъ у меня дитяти». Цанъ-пай сказалъ царю, что у одного старика есть пригодный мальчикъ. Тохтамышъ велѣлъ позвать его. Когда Идыгѣ пришелъ, царь одѣлъ его въ хорошее платье, далъ ему лошадь и (ловчихъ) птицъ. Идыгѣ сталъ охотиться за гусями на рѣкѣ Акъ-Адилъ ¹⁾. Утромъ онъ приходилъ къ царю и получалъ пищу и чашку вина и уходилъ. Потомъ, онъ приносилъ добычу и выкладывалъ передъ царемъ. Утромъ при входѣ въ юрту онъ всегда откашливался и только послѣ этого входилъ. Когда Идыгѣ откашливался, царь

¹⁾ Адиль—тюркское имя Волги; акъ—по-тюркски бѣлый.

всегда вставалъ съ трона, но онъ самъ не замѣчалъ этого. Царь имѣлъ двухъ женъ; онѣ говорятъ ему, что онъ всегда встаетъ передъ приходомъ Идыгѣ; царь не вѣритъ этому. Онѣ, чтобъ убѣдить царя, пришили подушку, на которой онъ сидѣлъ, къ его платью; когда Идыгѣ пришелъ, царь всталъ и когда онъ снова сѣлъ, подушка повисла. Тогда Тохтамышъ убѣдился, что жены говорятъ правду, и запечалился. Онъ думаетъ: «Моя душа передъ нимъ трепещетъ; онъ сниметъ съ меня голову». Царь призвалъ народъ на совѣтъ, все промолчали. Въ теченіи цѣлаго года царь собиралъ народъ по утрамъ, спрашивалъ, но все молчали. Одинъ только человѣкъ посоветовалъ привести Цанъ-пая. Цанъ-пай сказалъ: «Про то знаетъ Кипчакъ-пи». А Кипчакъ-пи сказалъ: «Надо привести двадцатилѣтняго старика Сафардау, у котораго голова посѣдѣла, какъ у бобра; у котораго зубы стали желты, какъ у выдры».

Послали за Сафардау, но Сафардау не поднялся съ ложа. Тогда послали за нимъ карету съ подушками. Сафардау подвязалъ платкомъ отвисавшую нижнюю челюсть и поѣхалъ. Приѣхавъ къ царю, онъ держитъ къ нему рѣчь. Онъ напоминаетъ, что видѣлъ вѣкъ Jān-bāk'a на Adil'f и Jajik'f, видѣлъ вѣкъ Üsü-bāk'a и вѣкъ Asyl-bāk'a. Потомъ онъ предсказываетъ Тохтамышу о Идыгѣ: «Одинъ изъ двухъ придворныхъ юношей вырѣжетъ изъ ивы укрѣкъ и угонитъ твой скотъ, твою красавицу Kösüka, твою прелесть Jāpākā уведетъ въ плѣнъ, источитъ кровь изъ твоей груди, отрубитъ мечемъ твою голову». Сафардау отослалъ домой.

Тохтамышъ велитъ убить Идыгѣ; напоить его виномъ, а подлѣ царской юрты поставить сорокъ человѣкъ съ ножами. Пришелъ Идыгѣ; ему подали вино, онъ выпилъ и опьянѣлъ. Цанъ-пай въ это время былъ внѣ юрты. Думаетъ, какъ дать знать ему о предстоящей опасности? Онъ разорвалъ шелковый платокъ, связалъ половину его въ узелъ, опустил сначала въ воду, а потомъ бросилъ въ Идыгѣ. Оглянувшись Идыгѣ, видитъ, у Цанъ-пая слезы текутъ по бородѣ. Идыгѣ понялъ, увидѣлъ засаду и убѣжалъ не черезъ дверь, за которой стояло сорокъ человѣкъ съ ножами, а черезъ войлочную кровлю юрты; онъ бѣжалъ съ сорока товарищами. Бывшіе въ юртѣ, замѣтивъ исчезновеніе Идыгѣ, бросились въ двери; ихъ встрѣтила засада ножами и перебила. Тохтамышъ велѣлъ искать между убитыми трупъ Идыгѣ, но его не нашли. Пуще опечалился царь, велѣлъ ѣхать въ погоню за Идыгѣ. Ему сказали, лучше всего послать Цанъ-пая, онъ другъ его; его Идыгѣ лучше послушаетъ.

Цанъ-пай приѣхалъ къ рѣкѣ Эдилю; Идыгѣ уже на той сторонѣ съ сорока товарищами, варятъ въ котлѣ пищу подъ густымъ тополемъ. Цанъ-пай, стоя на другомъ берегу, поетъ: «Воротись, другъ Идыгѣ, ханъ тебя

зоветь; есть для тебя желтая чашка пить кумысъ, края которой тонки, какъ губы княгини, вернись и выпей!» Идыгѣ отвѣчаетъ: «Не вернусь за Эдилъ; я не хочу пить изъ желтой чашки, края которой тонки, какъ губы княгини; у меня на губѣ прыщъ!» Цанъ-пай опять поетъ: «Князь даетъ тебѣ коня, зубы котораго какъ луковицы, чолка украшена, какъ (коса) у дѣвицы, хвостъ гребнемъ, какъ у тигра; вернись!» Идыгѣ отвѣчаетъ: «Не вернусь; не могу поѣхать на конѣ, у котораго зубы какъ луковицы и пр.; у меня сзади на тѣлѣ вскочилъ прыщъ!» Цанъ-пай продолжаетъ: «Тебѣ суждена въ жены дочь Sat-Timir-kan'a; она по тебѣ отъ тоски пожелтѣетъ; вернись!» Идыгѣ отвѣчаетъ: «Пусть она пожелтѣетъ, я объ этомъ не печалюсь!» Цанъ-пай вернулся къ Тохтамышу. Идыгѣ съ сорока товарищами поѣхалъ къ Сатъ-тимиру. Дорогой онъ наѣхалъ на слѣды; поѣхалъ ими и наѣхалъ на русскаго богатыря Анисима, который увезъ дочь Сатъ-тимира. Ты что умѣешь дѣлать? спрашиваетъ Анисимъ у Идыгѣ. Умѣю варить, говоритъ тотъ. Началъ Идыгѣ варить, а Анисимовы люди приносятъ ему воду. Однажды Анисимъ спитъ; Идыгѣ послалъ сорокъ Анисимовыхъ людей за водой, а самъ, приподнявъ подолъ палатки, натянулъ лукъ и убилъ Анисима. Пошелъ посмотрѣть, почему замедлили водоносы; они раздѣлились на двѣ партіи и дерутся, одна за Идыгѣ, другая за Анисима. Идыгѣ перебилъ сторонниковъ Анисима и повезъ дѣвицу, находившуюся въ плѣну у Анисима, къ ея отцу Сатъ-тимиру. Сатъ-тимиръ отдалъ ее замужъ за Идыгѣ. Она говоритъ Идыгѣ, что она три мѣсяца жила съ Анисимомъ и беременна, возьметъ ли ее Идыгѣ послѣ этого. «Распорите брюхо у моей верблюдицы, сказала она, и вы убѣдитесь!» Убили верблюдицу, нашли въ ней трехмѣсячнаго верблюженка и повѣрили царевнѣ; Идыгѣ взялъ ее замужъ. Она родила сына; дали ему имя Мырадылъ (Myradyl). Идыгѣ сдѣлалъ колыбель, выложилъ ее шелкомъ, обернулъ ребенка соболями. Когда мальчику стало десять лѣтъ, Идыгѣ поѣхалъ съ нимъ метить Тохтамышу. Сдѣлали сорокъ знаменъ и обставили ими палатку хана. Ханъ, проснувшись утромъ, увидѣлъ знамена, подумалъ, что сорокъ князей подступило и убѣжалъ на конѣ Коянъ-посѣ (Kojan-Pos). У Тохтамыша было двѣ дочери; старшую изъ нихъ взял себѣ Идыгѣ. Мырадылъ спросилъ, есть ли хорошая лошадь. Ему указали на кобылу, мать коня Коянъ-поса. Мырадылъ сѣлъ на нее и поѣхалъ преслѣдовать Тохтамыша. Тохтамышъ, одолѣваемый жаждой во время бѣгства, захотѣлъ пить; онъ увидѣлъ старика и старуху, жившихъ на берегу рѣки и попросилъ у нихъ напиться. Они сказали, что у нихъ есть немного кумыса. Тохтамышъ вошелъ въ юрту; выпилъ одну чашку, потомъ другую, а потомъ и третью; ему стало жарко и онъ снялъ кольчугу. Тогда старикъ увидѣлъ ѣдущаго Мырадыла и сказалъ объ этомъ хану. Тотъ схватился, сѣлъ на

Колян-поса и убѣжалъ. Приѣхалъ къ юртѣ старика Мырадыл, выпилъ три чашки, увидѣлъ ханскую кольчугу и погнался за Тохтамышемъ. Когда онъ догналъ хана, стали биться копьями, и Мырадыл убилъ Тохтамыша. Потомъ онъ отрубилъ у хана голову, привезъ ее къ его женамъ и спросилъ ихъ: «Это не Тохтамыша ли, вашего мужа, голова?» Жены узнали голову и похоронили ее. Мырадыл вернулся къ отцу, Идыгѣ обѣихъ дочерей Тохтамыша сдѣлалъ своими женами. Мырадыл сказалъ: «Младшую изъ сестеръ я хотѣлъ взять», взялъ домбру ¹⁾, заигралъ на ней и ударилъ домброй отца въ глазъ: Идыгѣ окривѣлъ. Тогда Идыгѣ сказалъ: «Мырадыл, Мырадыл! когда ты родился я сдѣлалъ желѣзную колыбель; боковыя ея доски я сдѣлалъ изъ серебра; самого тебя оболокъ въ шелковыя пеленки; подумавши, что шелковыя будутъ жестки, чернымъ сободемъ повилъ тебя. Теперь ты вышибъ глазъ своему отцу, подобному Меккѣ! Какъ ты смоешь свой грѣхъ?» Мырадыл отвѣчалъ: «Хотя я и вышибъ Меккоподобному отцу своему глазъ, но я этотъ грѣхъ трижды переверну и смою его!» Мырадыл сталъ княземъ вмѣсто Тохтамыша. У Тохтамыша была еще дочь; у нея былъ сынъ Исмаилъ, выморщенный въ городѣ другого народа. Исмаилъ поѣхалъ метить Мырадылу за своего отца. Онъ заказалъ сковать сорокъ ножей; острія ихъ были отравлены. Онъ приѣхалъ подъ видомъ кушца, разослалъ коверъ, подъ которымъ скрылъ ножи и пригласилъ Мырадыла. Мырадыл сѣлъ на коверъ; ножи вошли въ его тѣло, но онъ молчитъ. Ядъ сталъ дѣйствовать, Мырадыл сталъ слабѣть. Исмаилъ спрашиваетъ Мырадыла, какъ онъ убилъ его отца. Мырадыл рассказалъ, какъ онъ преслѣдовалъ и убилъ Тохтамыша въ мѣстности Töschök, какъ отрубилъ ему голову и привязалъ ее сзади сѣдла, но началъ бояться, чтобъ она не упала, взялъ ее въ руки и привезъ въ подарокъ ханшамъ. Исмаилъ отрубилъ Мырадылу голову, взялъ ее въ руки и поднесъ въ подарокъ своимъ бабушкамъ. Ее похоронили вмѣстѣ съ головой Тохтамыша.

2) Вариантъ изъ дер. Улуканъ. Былъ князь Токтамышъ. Онъ пошелъ въ мечеть и на пути нашелъ въ сапогѣ мальчика. Онъ далъ ему имя Идыгѣ (Idägä). Когда мальчику минуло семь лѣтъ, его отдали въ школу. Когда онъ приходилъ домой и привѣтствовалъ, ханъ вставалъ, чтобъ отдать привѣтствіе, но онъ самъ не зналъ, что дѣлаетъ это. Жена замѣтила это и сказала ему. Ханъ повѣрилъ ей только послѣ того, какъ жена пришила подушку къ его платью. Ханъ спросилъ своихъ вельможъ, что бы это значило, что онъ передъ Идыгѣ встаетъ; одинъ предсказатель объяснилъ хану значеніе этого явленія—„это дитя убоетъ тебя“, сказалъ онъ. Ханъ задумалъ погубить Идыгѣ, но онъ боится, что его люди не справятся съ Идыгѣ,

потому, онъ придумалъ отравить его. Токтамышъ имѣлъ слугу Джанъ-бай (Jan-bai); Джанъ-бай предупредилъ мальчика; онъ сказалъ ему: „Ханъ хочетъ убить тебя. Когда тебѣ подадутъ ядъ, я ударю тебя по рукѣ и ты бѣги!“ Ханъ собралъ людей на пиръ; начали пить. Подали и Идыгѣ вино съ ядомъ. Джанъ-бай ударилъ его. Идыгѣ не сталъ пить и убѣжалъ. Онъ прибылъ въ городъ Чингиса (Tschingys) и женился на его дочери; у него родился сынъ Мырадымъ (Mugadym). Мырадымъ поѣхалъ къ Токтамышу и влюбился въ его дочь. Послѣ поединка съ Мырадымомъ Токтамышъ бѣжалъ; Мырадымъ отвѣзъ свою невесту къ своему отцу, а самъ погнался за Токтамышемъ, убилъ его, взялъ Джанъ-бая и вернулся домой; во время его отсутствія его отецъ Идыгѣ женился на дочери Токтамыша. Мырадымъ, не сходя съ лошади, дождался, когда отецъ выйдетъ изъ юрты, выстрѣлилъ по нему и вышибъ ему глазъ. Испугавшись своего поступка, онъ бѣжалъ къ Аксакъ-Темиру (Aksak Temir) и прожилъ у него два года. Джанъ-бай совѣтуетъ Идыгѣ примириться съ сыномъ. «Если будетъ война, говорить онъ, ты одинъ куда годишься?» Идыгѣ согласился и посылаетъ къ сыну пять пословъ, въ томъ числѣ и Джанъ-бая. Послы приглашаютъ Мырадыма вернуться къ отцу. Мырадымъ говоритъ: «Когда я сержусь, я не говорю дурныхъ словъ. Изъ желтой чашки съ тонкими краями я не ѣмъ оставшуюся пищу»... Послы уговариваютъ его: «Если ты подожжешь сухую траву ¹⁾, гдѣ найдешь стоянку? Если въ воду напустишь крови, гдѣ найдешь воды напиться? Если опозоришь Кănikă, какъ можешь обнять ее? Выбивши отцу глазъ, куда пойдешь, чтобы смыть свой грѣхъ?» Мырадымъ отвѣчаетъ, что онъ поѣдетъ въ Мекку и проживетъ тамъ три года. Послы задаютъ вопросъ: какое первое зло? и сами же отвѣчаютъ: не знать Бога. Такъ слѣдуютъ одинъ за другимъ десять вопросовъ. Девятое зло: оставить дитя птицы Туръ-бала въ гнѣздѣ плачущимъ. Десятое зло: оставить въ слезахъ дѣвицу Кеникѣ. Послѣ этого Мырадымъ возвращается къ отцу. Отецъ встрѣчаетъ сына упрёками; сынъ съ покорностью выслушиваетъ ихъ.

3) Саргатскій вариантъ. Тутъ записаны, какъ сказано выше, только одни стихи, которые говорятъ Токтамышъ, Мыратымъ и Ченбай (Tschänbai). Разговоръ кончается словами Мыратыма (Mugatym): «Если я испортилъ лошадь, я другую лошадь найду! Если я въ Idil ²⁾ крови напустилъ, я выпью меду! Если я окрасилъ мечъ кровью, я обмою его молокомъ! Если заставилъ Кănikăi плакать, другую красавицу обйму! Если я глазъ отцу вышибъ, я отправлюсь къ Каабѣ!»

¹⁾ То-есть—если пустишь палъ, стеной пожаръ.

²⁾ Idil—Волга.

¹⁾ Домбра—балалайка.

Съ расселеніемъ тюркской орды на западъ сказка объ Идыге должна была появиться въ степяхъ южной Россіи, и, въ самомъ дѣлѣ, если мы здѣсь не находимъ ее записанною въ полномъ составѣ, то встрѣчаемся съ отголосками ея.

Кундровскіе татары (въ Астраханской губ.) считаютъ своимъ древнѣйшимъ правителемъ Эдыге (Вѣст. Русск. Геогр. Общ., 1851, т. 2, стр. 4). Ногайцы, кочевавшіе къ востоку отъ Волги, въ XVI стол. дѣлились на три орды, изъ которыхъ каждая имѣла во главѣ своей одного изъ трехъ братьевъ, потомковъ Едигея (Перетятковичъ, „Поволожье въ XV и XVI вѣкахъ“. М. 1877. Стр. 135). У ногайцевъ, кочующихъ при сѣверной подошвѣ Кавказа, сохранилось болѣе полное преданіе о Идыге. Ногайцы помнятъ, что отецъ его назывался Кутлукай; мать его была албасты ¹⁾. Женитьба Кутлукай на албасты состоялась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Кутлукай застрѣлилъ въ лѣсу человѣка; это былъ мужъ албасты, по имени Агачъ-ангы (такъ называются мужья у албасты). Идя по слѣду крови, Кутлукай пришелъ къ скалѣ, у которой албасты плакала надъ убитымъ мужемъ. Послѣ этого Кутлукай и албасты стали жить вмѣстѣ. У всѣхъ албасты въ правомъ боку есть отверстіе, въ которое видна вся внутренность тѣла; албасты запретила Кутлукаю смотрѣть на ея тѣло; но онъ не удержался и у спящей взглянулъ на ея правый бокъ; послѣ этого онъ долженъ былъ оставить ее у скалы и вернуться въ аулъ. Впослѣдствіи албасты родила мальчика, принесла его въ аулъ, положила его на землю, произнесла его имя Идыге и удалилась въ лѣсъ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, т. XVІІ, отд. ІІ. Статья М. Алейникова: „Повѣрья ногайцевъ“, стр. 7—9). Это, очевидно, только начало сказки объ Идыге. Можетъ быть, впослѣдствіи кто-нибудь запишетъ у ногайцевъ и полный сюжетъ сказки объ Идыге ²⁾.

¹⁾ Въ Киргизскихъ версіяхъ, собранныхъ Чоканомъ Валихановымъ („Живая Старина“, 1891, в. 4, стр. 157—162), отецъ Идыгея или святой Баба-тогты-чакты-азизъ (Баба-такты-чаклы-азизъ), или потомокъ этого святого въ девятomъ колѣнѣ Кутлу-киа (въ хрестоматіи Хальфина, изданной въ Казани въ 1822 г., Кутлукеба); въ послѣднемъ случаѣ сынъ Баба-Тулгаса называется Термеулъ или Термы. Башкирскія извѣстія о Баба-Тулгасѣ сообщили недавно г. Юдинъ въ ст. «Развалины древняго города въ Уфимской губ.» (Историческій Вѣстн., 1895, т. LXI, стр. 151). На р. Ислакѣ, близъ дер. Нижніе Термы, есть развалины; по преданію башкиръ это дворецъ Тура-хана, потомка Чингисъ-хана, который сюда прикочевалъ изъ царства сибирскаго Кучума. У Рычкова въ его «Оренб. Топогр.», изд. 1887 г., стр. 373. Задолго до покоренія Казани, здѣсь (т. е. на Ислакѣ) былъ городъ; послѣдній владѣлецъ его Тира-баба ту Ключевъ жилъ въ немъ зимой. Въ дѣлахъ Оренбург. центрального архива, добавляетъ г. Юдинъ, онъ называется Искуръ Бабату Кулясовъ.

²⁾ Изъ Туркестана имѣемъ такое извѣстіе, сообщенное г. Радловымъ (Зап. Рус. Геогр. Общ. по этногр., VII, 67): «въ числѣ поколѣній близъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана есть поколѣніе Куруласъ, народъ героя Идэга-би, побѣдившаго Тохтамышъ-хана».

Кромѣ этихъ преданій о Идыге, мы за отголоски той же сказки принимаемъ преданіе о ногайскомъ ханѣ Тохтѣ, сохранившееся въ лѣтописяхъ. См. объ этомъ въ нашей статьѣ: „Тема объ усѣченной головѣ въ ордѣ“ (Этногр. Обзор., кн. XVI, стр. 90). Тохта ведетъ войну съ Ногаемъ; Ногай убитъ въ 1300 г. и голова его привезена къ Тохтѣ. Тутъ мы видимъ перестановку именъ; не у Ногай слѣдовало бы отрубить голову, а у Тохты, имя котораго можно принять за имя Тохтамышъ, лишенное конца.

Позже въ степяхъ юго-восточной Россіи мы встрѣчаемся съ историческими именами: Тохтамышъ и Идыге. Эти лица стоятъ въ томъ же отношеніи, какъ и въ сказкѣ. Тохтамышъ ханъ Золотой орды (1378—1396); Идыге его военначальникъ. При сличеніи историческихъ данныхъ съ сюжетомъ сказки неизбѣженъ вопросъ, какъ объяснить появленіе тѣхъ же именъ въ соответственныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ въ сказкѣ, такъ и въ исторіи? Не будетъ-ли простымъ отвѣтомъ на него предположеніе, что сказка заимствовала свои имена у исторіи? Въ первоначальной своей редакціи сказка могла имѣть другія имена, которыя подставились потомъ историческими именами Тохтамышъ и Идыге. Однако, разборъ относящихся сюда данныхъ не позволяетъ такъ просто рѣшить этотъ вопросъ. Ниже мы вернемся къ этому вопросу.

Въ статьѣ: „По поводу новыхъ привлеченій къ быліи о Добрынѣ“ (въ Этногр. Обзор., кн. XXII, стр. 56—60), я указалъ уже на параллели, встрѣчающіяся въ сказкѣ, во-первыхъ, съ исторіей Саула и Давида, во-вторыхъ, съ лѣтописнымъ преданіемъ о Чингисъ-ханѣ. Здѣсь излишне будетъ подробно повторять сказанное тамъ; достаточно вкратцѣ напомнить сдѣланныя сближенія. Идыге соответствуетъ Давиду библейскаго разказа; онъ такой же овечій пастушокъ, приглашенный на службу къ царю. Въ тюркской сказкѣ отсутствуетъ только мотивъ этого приглашенія—болѣзнь Саула, припадки бѣшенства и способъ лѣченія отъ этой болѣзни, игра на струнномъ инструментѣ. Тохтамышъ отвѣчаетъ Сауду, Сафардау—Самуилу, а Джанбай—Ионафану. Тохтамышъ также тайно собирается убить Идыге, какъ Саулъ Давида; ему такъ-же, какъ и Сауду отрублена голова; дряхлый Сафардау, подобно престарѣлому Самуилу, предсказываетъ гибель царя, а Джанбай предупреждаетъ Идыге объ опасности такъ-же, какъ Ионафанъ предупреждаетъ Давида. Подобно Давиду, Идыге спасается бѣгствомъ ¹⁾; Давидъ выскакиваетъ изъ своего дома въ окно;

¹⁾ Джанбай, подобно Ионафану, предупреждаетъ своего друга объ опасности не рѣчью, а условными знаками; онъ бросаетъ въ него тряпку, Идыге обращаетъ къ нему свои глаза, видитъ слезы, текуція по его лицу и догадывается объ опасности. Сходный инцидентъ въ сказкѣ качинскихъ татаръ. На лѣвой сторонѣ р. Абакана жило семь братьевъ богатырей; родители завѣщали имъ жениться поочередно, начиная со старшаго; у братьевъ потерялся конь (это, можетъ быть, сказка о семи звѣздахъ Больш. Медвѣдицы; ср. съ разказомъ объ этомъ созвѣздіи, записаннымъ г. Бигловымъ и на-

Идыге вылетаетъ въ дымовое отверстіе юрты. Отклоненіе тюркской сказки отъ библейскаго разсказа замѣчается, между прочимъ, въ томъ, что сказка убіеніе Тохтамыша приписываетъ сыну Идыге; въ библейскомъ разсказѣ смерть Саула приписывается не сыну Давида, а постороннему лицу. Темы, связанныя съ сыномъ Давида, Соломономъ все-таки включены въ сказку, но приурочены не къ сыну Идыге, Мырадылу, а къ самому Идыге. Мы разумѣемъ „мудрые суды“ Соломона. Разсказъ о двухъ матеряхъ, оспаривающихъ одного ребенка, въ барабинскомъ вариантѣ замѣненъ разсказомъ о верблюженкѣ, а въ киргизскомъ сохраняетъ библейскую редакцію. Эта послѣдняя тема, повидимому, была распространена въ средней Азии; отголоски ея встрѣчаются въ одной якутской сказкѣ и въ одной тибетской легендѣ.

Въ якутской сказкѣ этотъ мотивъ измѣнился въ оспариваніе жены; два человѣка предъявляютъ свое право на одну и ту же женщину; мужу дѣлается предложеніе разрубить женщину пополамъ; онъ отказывается (Очерки сѣверо-западной Монголіи IV, 639). Лжепретендентъ на женщину носитъ имя Арджиманъ-Джарджаманъ. Первые слоги этихъ членовъ: арджи-джарджа напоминаютъ монгольское имя Арджи-борджи, связанное съ соломоновскими темами (см. А. Н. Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ, Спб. 1872 г.). Въ тибетскомъ преданіи о Лассѣ т.-е. въ тибетской обработкѣ сюжета о построеніи храма (съ подробностями изъ саги о Соломонѣ), записанномъ мною въ послѣднее путешествіе, оспаривается ребенокъ двумя женщинами, т. е. такъ-же, какъ и въ библейскомъ разсказѣ, но нѣтъ предложенія разрубить спорный предметъ пополамъ, какъ въ якутской сказкѣ. Рѣшается вопросъ предложеніемъ дать ребенку чашу съ виномъ; онъ поднесетъ вино своему родному отцу.

Эпизодъ барабинской сказки о Цанъ-паѣ съ двумя верблюдцами можетъ быть сочтенъ за видоизмѣненіе апокрифическаго разсказа о поискахъ исчезнувшаго изъ дворца Соломона. Подобно тому, какъ дядька Ачилъ, отыскивая Соломона, испытываетъ мудрость встрѣчающихся юношей, такъ, можетъ быть, оспариваніе верблюженки было первоначально не что другое, какъ придуманный Цанъ-паемъ способъ испробовать мудрость Идыге. Дѣтство Идыге напоминаетъ апокрифическую исторію Соломона; Соломонъ былъ осужденъ своей

печатаннымъ мною въ Танг.—тиб. окраинѣ Китая, II, 319). Старшій братъ поѣхалъ искать коня, заѣхалъ въ гости къ какому-то князю, увидѣлъ красавицу князю, засмотрѣлся и былъ брошенъ въ подземелье; подобная участь постигла и всѣхъ другихъ братьевъ, кромѣ младшаго; этого дѣвца полюбила, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нею и велѣла ему скрыться, иначе она не будетъ его женою. Онъ спрятался въ волчью нору. Вратя потомъ освобождены; младшій братъ женился на дѣвицѣ и за то, что нарушилъ отцовское завѣщаніе, обращается въ камень (Изв. Русск. Геогр. Общ. XX, в. 6 (1884), стр. 635—639, ст. Каратанова, «Черты внѣшняго быта качинскихъ татар»).

матерью на смерть, но онъ не убить, а только выброшенъ въ поле. По одной записи онъ былъ найденъ подобраннымъ на гумнѣ въ солому, откуда и имя его Соломонъ (Очерки сѣв.-запад. Монголіи, IV, 888; „Живая Старина“, 1895 г. вып. 2, стр. 212); въ татарской сказкѣ у г. Радлова (Radloff, Proben, IV, 358) подобное разсказывается о мальчикѣ, который отъ соломы получаетъ названіе Саламджа. Вѣроятно, и барабинская сказка первоначально разсказывала, что Идыге былъ выброшенъ въ поле или врагомъ его матери, или ею самою. Подобныя версіи и въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ преданіяхъ объ Идыге. Въ ногайской сказкѣ, какъ мы видѣли, мать подбрасываетъ ребенка въ аулъ, въ которомъ живетъ ея мужъ, отецъ ребенка. Въ киргизской версіи, записанной Чоканомъ-Валихановымъ, удаляющаяся мать бросаетъ ребенка подъ стѣнами города Кумъ-кента; находитъ его отецъ по указанію матери („Живая Старина, 1891 г. в. 4, стр. 158“).

По ногайской версіи брошеннаго ребенка находитъ отецъ (Кутлукай)¹⁾. Въ барабинскомъ вариантѣ какой-то старикъ, не состоящій въ родствѣ съ ребенкомъ. Въ вариантѣ изъ татарской деревни Улуканъ ребенокъ найденъ самимъ ханомъ Токтамышемъ. Сводя этотъ вариантъ съ ногайскимъ, можно сдѣлать заключеніе, что Токтамышъ былъ отецъ Идыге. На это намекаетъ, пожалуй, и имя отца въ нѣкоторыхъ киргизскихъ вариантахъ: Тухты.

Эти соображенія расчищаютъ путь къ догадкѣ, что въ исторіи дѣтства Идыге мы имѣемъ сюжетъ вродѣ апокрифическаго разсказа о дѣтствѣ Соломона. Подобно Соломону—такъ можно предполагать—Идыге, сынъ Токтамыша, былъ выброшенъ матерью въ поле. Онъ подобранъ чужимъ человекомъ²⁾; Тохтамышъ, отецъ, посылаетъ Цанъ-пая отыскивать сына. Цанъ-пай подобно Ачилу, отыскиваетъ Идыге по признакамъ его мудрости³⁾.

¹⁾ Отецъ же находитъ брошеннаго ребенка и въ бурятскомъ сказаніи о предкѣ Булагатѣ (отецъ Буха-ноень, „бикъ-князь“) и въ калмыцкой о предкѣ Цоросѣ (отецъ Бо-ханъ, „шаманъ-царь“). Литература о Буха-ноенѣ указана мною въ книгѣ: Тангуты-тибетск. окраина Китая. Спб., 1893 г., т. II, стр. 255; о Бо-ханѣ и Цоросѣ см. у Паласа, Sammlungen, I, 32.

²⁾ Параллели къ этой темѣ находимъ въ Гэсэриадѣ: Гэсэръ въ бурятскомъ вариантѣ (Танг. тиб. окраина Китая, II, 67) брошенъ матерью въ степи; его находитъ Сарагалъ-ноень-ханъ и везетъ его домой; дорогой Гэсэръ ведетъ себя дурно и пачкаетъ платье хана, такъ что ханъ замучился съ нимъ, не знаетъ, какъ его держать и гдѣ его помѣстить. Не тѣ ли же самыя краски были и въ барабинской сказкѣ, по опущенію разсказомъ ради опрятности; старикъ сначала помѣстилъ Идыге за пазухой, но нашелъ это неудобнымъ, и сунулъ ребенка въ сапогъ (подалеже отъ своего носа?)

³⁾ Розыскиваніе заброшеннаго мальчика разсказывается въ преданіи о Чандрагунтѣ (Минаевъ, „Индійскія сказки“, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1874 г., ноябрь, стр. 77—78). „Когда Чандрагунтѣ было восемь лѣтъ, онъ игралъ съ малолѣтками, самъ былъ царемъ и раздавалъ кому деревню, кому цѣлую страну, кому начальство надъ крѣпостями“. Чанакія, который за то, что доставилъ беременной матери Чан-

Мы уже говорили въ упомянутой статьѣ, что нахожденіе библейскихъ темъ въ турецкомъ фольклорѣ можно объяснить заносомъ ихъ въ Сибирь съ мусульманской письменностью. Но сопоставленіе турецкихъ сказокъ объ Идыге съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Чингисѣ, кажется, должно отодвинуть дату нѣсколько дальше. Правда, мусульманство во владѣніяхъ Чингиса древнѣе XIII столѣтія, въ которомъ жилъ этотъ монгольскій ханъ, но едва ли сказаніе о Чингисѣ-ханѣ сложилось такъ поздно; вѣроятно оно уже существовало задолго до появленія въ исторіи этой личности и только перенесено на него послѣ того, какъ онъ выдвинулся изъ рядовъ обыкновенныхъ людей. Но если устранить мусульманскую гипотезу, все-таки можно вывести эти темы изъ библейскаго источника; онѣ могли быть принесены на востокъ съ несторианствомъ, которое существовало въ Китаѣ уже при Танской династіи въ VI—VIII вѣкахъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ изъ этого сюжета, особенно тѣхъ, которыя могутъ быть сближаемы съ христіанскими апокрифами, возможно допустить и независимое отъ христіанскаго и мусульманскаго вліянія происхожденіе.

Сопоставленіемъ сказки объ Идыге съ сказаніемъ о Чингисѣ мы займемся подробнѣе.

Оба, и Идыге и Чингисъ найденными въ полѣ. О Чингисѣ народное, устное, живущее теперь въ степяхъ преданіе говоритъ, что онъ былъ найденъ младенцемъ, лежащимъ въ степи подъ деревомъ. Книжное сказаніе не знаетъ этого, но можно слѣды такой темы видѣть въ занесенныхъ въ лѣтопись о походахъ Чингисѣ-хана разсказахъ о найденныхъ, подобранныхъ въ степи. Лѣтописъ Юань-чао-ми-ши знаетъ четыре такихъ случая: 1) Когда

драугуты возможность „выпить луну“ (молоко, въ которомъ отразилась луна), получили обѣщаніе, что ожидаемый ребенокъ будетъ отданъ ему, странствовать, отыскивая родившагося мальчика. Увидавъ мальчика, играющаго въ пачи, онъ проситъ подарить ему что-нибудь. Тотъ говоритъ: „Дарю тебѣ всѣхъ этихъ коровъ!“ Эти коровы чужія, какъ же я могу ихъ взять, возражаетъ Чанакія. „Кто способенъ, тому принадлежитъ земля“, отвѣтилъ ему Чандраугута (луной хранимый). Чанакія, пораженный этимъ отвѣтомъ, догадывается, кто такой этотъ мальчикъ, беретъ его и начинаетъ борьбу съ царемъ Нанда, отцомъ мальчика, по повелѣнію котораго мальчикъ былъ выброшенъ и долженъ былъ погибнуть. Сличеніемъ съ турецкой сказкой и съ монгольскимъ сказаніемъ о Чингисѣ-ханѣ, Чанакія приравнивается къ Цанпаю, Чандраугута къ Идыге и Чингису, а царь Нанда къ Тохтамышу и Ванъ-хану кирейскому. Розыскиваніе мудрой личности мы находимъ также въ турецкихъ сказкахъ о Джиренше, который отыскиваетъ мудрую невѣсту для своего сына (Radloff, Proben, I, 197; IV, 201). Имя Джиренше киргизы ставятъ въ связь съ ханомъ Джани-бекомъ; это былъ мудрый визирь при Джани-бекѣ. (Очерки с. з. Монголіи, в. I, стр. 158). Не стояли ли эти имена, Джиренше и Джани-бекъ, въ иномъ отношеніи другъ къ другу? Именно, не было ли разказа о томъ, что Джани-бекъ служилъ при Джиренше и доставалъ для него невѣсту вродѣ того, какъ въ тибетской легендѣ Гвардамбо добывалъ невѣсту для цари Сронцзона?

Маркиты бѣжали, то покинули въ своемъ становищѣ пятилѣтняго мальчика по имени Кюйчу, въ собольей шапкѣ и въ сапогахъ изъ оленьихъ лапъ; ратники прибрали этого мальчика и подарили матери (Чингисѣ-хана) Хоэлунъ (Труды Пекинск. дух. миссіи, IV, 57). 2) Когда Чингисѣ проходилъ черезъ кочевье Дайичиутовъ, послѣдніе, испугавшись, поднялись съ мѣста и въ ту-же ночь ушли. Въ становищѣ они покинули одного мальчика по имени Кокочу; ратники Чингиса взяли его и отдали Хоэлунъ на воспитаніе (ibid., 59). 3) Когда войско Чингиса овладѣло лагеремъ Татаръ, то подобрали въ немъ одного мальчика съ золотымъ кольцомъ въ носу и, соболинымъ набрюшникомъ съ золотыми кистями; его отдали матери Хоэлунъ; она сказала: „вѣрно онъ изъ какого нибудь знатнаго дома“. Давъ ему имя Шигиканъ-хуудуху, она сдѣлала его своимъ сыномъ (ibid., 67). 4) Одинъ изъ ратниковъ нашелъ въ лагерѣ племени Чжурки мальчика по имени Бороулъ и отдалъ матери Хоэлунъ (ibid., 68). Всѣ четыре разказа кончаются одинаково; ратники передаютъ найденнаго мальчика матери Хо-Элунъ; такое однообразіе можетъ быть объяснено предположеніемъ, что всѣ четыре разказа повтореніе одной и той же сказочной темы; всѣ они представляютъ начало сказки вродѣ Идыге; въ турецкой сказкѣ старикъ находитъ въ степи Идыге и отвозитъ его къ своей женѣ на воспитаніе; въ разсказахъ монгольской лѣтописи „мать Хоэлунъ“ отвѣчаетъ этой женѣ старика. Можетъ быть даже эти четыре разказа подъ именемъ Кокочу, Кюйчу, Шигиканъ-хуудуху и Бороулъ разумѣютъ самого Чингисѣ-хана; они не что иное, какъ четыре варианта начала той сказки о Чингисѣ-ханѣ, въ дальнѣйшемъ изложеніи которой о Чингисѣ передавалось то-же, что турецкая сказка разсказываетъ объ Идыге ¹⁾.

Имя Кокочу встрѣчается и еще разъ въ монгольской лѣтописи; его носятъ шаманъ, соперникъ Чингисѣ-хана, имѣющій еще и другое имя: Тубуть-тэнгри. На смѣшеніе этихъ персонажей — Чингисѣ-хана и Тубуть-тэнгри мы уже указывали въ статьѣ: «Легенды объ Асокѣ и преданіе о Чингисѣ-ханѣ» (Этн. Обзор., кн. XXIII). Можно думать, что подобный же обмѣнъ былъ и съ именами Чингисѣ-ханъ и Кокочу ²⁾.

Отецъ у Идыге въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки называется Баба-Тувласъ или Баба-Тувты; мы выше высказали догадку, что Тохтамышъ,

¹⁾ Одна изъ четырехъ формъ, именно Кюйчу, кажется, и теперь еще сохраняется въ турецкой сказкѣ объ Идыге; въ тарбагатайскомъ вариантѣ, который мы здѣсь печатаемъ, Идыге носитъ еще другое имя Койчу-бай (см. выше, стр. 297).

²⁾ Подобная форма связывается съ темой о покинутомъ ребенкѣ и въ одномъ киргизскомъ преданіи, именно о Ерь-Гокчу, предѣѣ поколѣнія Уакъ. Онъ былъ во время бѣгства племени забытъ въ золѣ очага и потомъ найденъ (Очерки, II, 158). Ерь-Гокче встрѣчается и въ Гасэриадѣ; это соперникъ Гасэра (Schmidt, Die Thaten, 258).

при дворѣ котораго служить Идыге, не кто иной, какъ его отецъ, т. е., что Баба-Тукты и Тохтамышъ одно и то-желицо. Сказаніе о Чингисѣ называетъ его отца Есугамъ (Есугай, Исуге, Исунке); эсэгэ, эцэгэ, по-монгольски «отецъ»; можно подумать, что Есугай не собственное имя, а нарицательное, и что отецъ Чингиса носилъ какое-то другое имя, и именно, болѣе похожее на имя отца Идыге. И, въ самомъ дѣлѣ, форма, сходная съ именемъ отца Идыге, встрѣчается въ преданіяхъ о Чингисѣ; такъ, напримѣръ, въ киргизской сказкѣ мать Шингыса (т. е. Чингиса), беременная имъ, заточенная въ ящикъ, была опущена въ море; братья Тохтугуль и Дондугуль причаливаютъ ящикъ къ берегу; освобожденная женщина достается Тохтугулу; она родитъ ему сына Шингыса (Radlof, Proben, III, 86). Такимъ образомъ мы находимъ форму «тохту» въ имени отчима Чингиса. Въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ эта форма также встрѣчается; мы имѣемъ тутъ имя Тухта-беки; такъ называется ханъ меркитовъ, врагъ Чингисъ-хана.

Такъ какъ сказаніе о Чингисъ-ханѣ имѣетъ аналогію со сказкой о Идыге, то можно догадываться, что Тухта-беки въ нѣкоторыхъ древнихъ сказкахъ о Чингисѣ игралъ ту роль, которая въ турецкихъ сказкахъ принадлежитъ Тохтамышу, а въ дошедшемъ до насъ преданіи о Чингисѣ этотъ персонажъ замѣненъ Ванъ-ханомъ кирейскимъ. И если Тохтамышъ дѣйствительно отецъ Идыге, то тѣже отношенія нужно перенести и въ сказаніе о Чингисѣ. Чингисъ былъ сынъ хана Тухта-беки по одному варианту и Ванъ-хана кирейскаго по другому.

Вторую параллель между сказкой о Идыге и преданіемъ о Чингисѣ представляетъ рассказъ преданія о заговорѣ Вана на жизнь Чингиса. Тохтамышъ затѣваетъ убить Идыге; Ванъ кирейскій хочетъ заманить къ себѣ Чингиса съ цѣлью убить его. Идыге предупрежденъ объ опасности чело-вѣкомъ, который приготавливалъ для хана кумысъ и вино; Чингису выдана дворцовая тайна чело-вѣкомъ, который ее подслушалъ, когда вносилъ къ заговорщикамъ кумысъ (Юань-чао-миши въ «Трудахъ Пекинск. духовн. миссіи», IV, 86). Предупрежденный Идыге ускользаетъ незамѣтно изъ юрты черезъ верхнее дымовое отверстіе ея; съ Чингисъ-ханомъ дѣло было иначе. Онъ получилъ извѣстіе объ опасности, когда ѣхалъ къ Ванъ-хану по его приглашенію, и вернулся съ полупути домой; это спасло его. Но намекъ на другую редакцію, болѣе близкую къ турецкой сказкѣ, какъ намъ кажется, остался таки въ монгольскомъ преданіи. Мы видимъ его въ рассказѣ о шаманѣ Тубутъ-тэнгри; онъ былъ убитъ по приказанію Чингиса и положенъ въ скатанную юрту, но тѣло его исчезло изъ юрты, хотя двери остались запертыми. Можетъ быть, въ этомъ эпизодѣ не только имя шамана пере-

несено на него съ Чингисъ-хана, о чемъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (см. выше ¹), но и тема.

За побѣгомъ Идыге сказка рассказываетъ о Цзанъ-паѣ или Джанбаѣ, догоняющемъ Идыге и вступающемъ съ нимъ въ разговоръ. Бесѣда эта передана стихами; благодаря этому обстоятельству разговоръ этотъ долженъ былъ лучше сохраниться въ памяти рассказчиковъ. Въ сказаніи о Чингисѣ рассказа о погонѣ нѣтъ. Чингисъ удаляется и прячется, но потомъ собираетъ свои силы и переходитъ въ наступательное движеніе. Но въ лѣтописи Юань-чао-ми-ши («Труды Пекинск. дух. миссіи», IV, 86) все-таки сохранился рассказъ о переговорахъ Чингисъ-хана съ Ваномъ, который какъ будто стоитъ на мѣстѣ рассказа о переговорахъ Идыге съ Джанбаемъ. Разница однако въ томъ, что въ монгольскомъ рассказѣ не Ванъ посылаетъ посла къ Чингису, какъ бы слѣдовало для совпаденія съ турецкой сказкой, а Чингисъ посылаетъ двухъ пословъ (Архай-Хасара и Сюегэгай-чжэуня) къ Вану. Характеръ рѣчей тоже другой; въ турецкой сказкѣ Джанбай старается примирить Идыге съ Тохтамышемъ заманчивыми обѣщаніями; въ монгольскомъ рассказѣ послы Чингисъ-хана осыпаютъ Вана жалобами на его несправедливость къ Чингису. Въ обоихъ рассказахъ посольство оканчивается ничѣмъ. Хотя Ванъ торжественно раскаивается въ своемъ поведеніи, сознается, что онъ поступилъ неблагодарно и клянется, что не будетъ вредить Чингису ²), послѣдній все-таки неожиданно нападаетъ на него и заставляетъ ѣзжать.

Въ турецкой сказкѣ первые страхи Тохтамыша передъ будущимъ превосходствомъ Идыге возбуждены его женами; въ преданіи о Чингисъ-ханѣ этой темы нѣтъ; но и здѣсь недовѣріе Ванъ-хана къ Чингису навѣяно со стороны; оно возникло сначала въ головѣ сына Ванъ-хана, Санкуня, который потомъ уговариваетъ своего отца заблаговременно погубить Чингиса. Не перенесена ли эта роль на Санкуня съ жены Вана ³)? По совѣту Санкуня

¹) О существованіи преданій о какомъ то знаменитомъ шаманѣ Чингисѣ (Хаджиръ Чингисъ-тэнгри, «сынъ неба»), см. Банзарова, Черная вѣра. 1891 г. стр. 12 и 78.

²) Тутъ въ Юань-чао-ми-ши интересная подробность. Выслушавъ упрёки пословъ Чингиса, Ванъ сказалъ: «Я не долженъ былъ бы расходиться съ сыномъ моимъ Тымучжиномъ (т. е. Чингисомъ), а разошелся» и затѣмъ, порѣзавъ ножомъ мизинецъ на своей рукѣ, текшею изъ него кровью наполнилъ маленький берестяной бурочокъ и сказалъ: «Когда я буду лиходѣить сыну моему Тымучжину, то пусть буду такъ же хологотъ». Съ этими словами онъ отдалъ эту кровь посланцамъ, которые и принесли ее къ Чингису. Въ тарбагатайскомъ вариантѣ сказки объ Идыге визирь Тохтамышъ Джанбай и Элигэ заключаютъ дружбу и совершаютъ сходный обрядъ: надрѣзаютъ жилы на рукахъ, спускаютъ кровь въ чашку и эту смѣшанную кровь выпиваютъ (см. выше стр. 11).

³) Въ одной монгольской сказкѣ есть женское имя Санхони-чечекъ («Очерки с. з. Монголіи», IV, 386).

Ванъ-ханъ хочетъ обманомъ завзять Чингиса къ себѣ въ гости; онъ притворяется, будто хочетъ выдать за него свою дочь замужъ, и пригласилъ его прѣхать. Когда прѣдетъ, ханскіе слуги убьютъ его. Въ турецкой сказкѣ такого оборота нѣтъ; въ библейскомъ разсказѣ то же нѣтъ, но Саулъ выдалъ дочь за Давида; Чингисъ тоже женился на дочери Вана, но уже послѣ его смерти.

Убѣжавшій Идыге спасся за какой то рѣкой: Джанбай догналъ его, но за рѣку не побѣхалъ; онъ обратился къ Идыге съ рѣчью, оставаясь на другомъ берегу рѣки; странно, почему онъ не перѣхалъ на другую сторону; объясненіе нужно искать или въ томъ, что тутъ что-то не досказано и что въ полной редакціи или рѣка прибыла къ тому часу, когда подѣхалъ Джанбай или она внезапно явилась; такіа покровительствующія рѣки встрѣчаются въ сказкахъ и легендахъ. Орхонъ пропускаетъ убѣгающихъ халхасцевъ, но поднимаетъ свои воды, когда черезъ него хотятъ двинуться преслѣдующіе халхасцевъ олеты (см. «Жив. Старина», 1891 г., в. III, стр. 238; «Очерки с.-в. Монголіи», IV, 410; «Танг.-тиб. окраина Китая», II, 310). Въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ, отголоски котораго мы находимъ въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ «Шиддикуръ», когда Анпу или Анебу гнался за своимъ братомъ (Битью или Сату) ¹⁾, вдругъ ихъ раздѣлила внезапно явившаяся рѣка. Можетъ быть, и въ сказкѣ объ Идыге было что-нибудь подобное; рѣка, которая отдѣляла Цанная или Джанбая отъ Идыге, можетъ быть, возникла въ моментъ приближенія Джанбая.

Времени отъ бѣгства Идыге до возвращенія его съ цѣлью отомстить Тохтамышу въ сказаніи о Чингисѣ отвѣчаетъ время, проведенное Чингисъ-ханомъ на озерѣ Балчжуна (Труды Пекинской дух. миссіи, IV, 95). Въ монгольской лѣтописи смѣна событій такая. Чингисъ, получивъ извѣстіе объ угрожающей ему опасности, бросивъ домашній скарбъ, бѣжалъ къ горѣ Маоунъ-дуръ. Здѣсь происходитъ битва съ Ваномъ; Чингисъ одерживаетъ побѣду, но уходитъ съ поля сраженія. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о послахъ Чингиса. Потомъ Чингисъ откочевываетъ къ озеру Балчжуна и здѣсь, по видимому, выжидаетъ удобный моментъ для нападенія на Вана. Получивъ извѣстіе, что Ванъ пируетъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ предосторожности, Чингисъ-ханъ ѣдетъ противъ него съ войскомъ безостановочно день и ночь въ теченіе трехъ сутокъ и внезапно нападаетъ на становище Вана («Труды Пекинск. дух. миссіи», IV, 95). Балчжуна (у Рашидъ-аддина Балджиуна) было вѣроятно пустынное мѣсто, мало доступное для большаго

¹⁾ Въ «Очеркахъ с.-в. Монголіи», IV, 237, одинъ изъ братьевъ называется Бамба-Шиту, другой Дзулдуку.

войска вслѣдствіе недостатка воды. Здѣсь къ Чингисъ-хану собрались его сторонники; Рашидъ-аддинъ говоритъ (II, 133) «община ихъ была малая»; очевидно, немногіе рѣшились раздѣлить съ Чингисъ-ханомъ это печальное скитаніе въ пустынѣ. За то въ послѣдствіи участники кочеванья въ этой мѣстности, пившіе вмѣстѣ съ Чингисомъ «грязь озера Балчжуны», пользовались у него особой благосклонностью и въ отличіе отъ другихъ сподвижниковъ назывались «балчжунту». Идыге во время своего скитанія въ степи женится. Онъ встрѣчаетъ русскаго богатыря Анысима (или Чуюнъ-гулака), который увезъ дочь Сатъ-Тимира. Идыге поступаетъ въ кашевары къ Анысиму, потомъ убиваетъ его и отвозитъ плѣнную дѣвицу къ ея отцу Сатъ-Тимиру, а отецъ отдаетъ ее замужъ за Идыге. Этотъ эпизодъ въ сказаніи о Чингисѣ приравнять не къ чему; о Чингисѣ нѣтъ разсказа, чтобы онъ во время пребыванія на озерѣ Балчжуна женился. Тѣмъ не менѣе, въ эпизодѣ объ Идыге на Адилѣ можно указать на отношенія турецкой сказки къ монгольскому сказанію. Сказка даетъ намъ двухъ соперниковъ: Идыге и Анысима; первый убиваетъ второго. Идыге мы отождествляемъ съ Чингисомъ, а противникомъ Чингиса является Ванъ-ханъ. Отсюда вытекаетъ тожество Анысима съ Ванъ-ханомъ. Покойный Березинъ, переводчикъ «Исторіи Монголовъ» Рашидъ-аддина, сдѣлалъ сближеніе между Ванъ-ханомъ, современникомъ Чингиса, и Онъ-сомомъ сибирскихъ лѣтописей («Труды Вост. Отд. Археолог. Общ.», ч. XIII, стр. 313). Сибирская лѣтопись говоритъ, что простой татаринъ Чинчій убилъ сибирскаго хана Онъ-сома; Березинъ видитъ въ этомъ разсказѣ эпизодъ изъ монгольской исторіи—Чинчій это Чингисъ, Онъ-сомъ—Ванъ-ханъ. Этотъ-то Онъ-сомъ, какъ мы уже въ другихъ случаяхъ высказывали предположеніе, и явился въ турецкой сказкѣ подъ именемъ Анысима. При такомъ толкованіи женитьба Идыге на вдовѣ убитаго Анысима должна бы въ монгольскомъ сказаніи явиться въ видѣ разсказа о женитьбѣ Чингиса на вдовѣ Ванъ-хана; Чингисъ женится на дочери Ванъ-хана, а не на вдовѣ; но въ томъ же разсказѣ (т. е. въ Юань-чао-ми-ши) Чингисъ воюетъ съ другимъ ханомъ, Таянъ-ханомъ, и, одержавъ надъ нимъ верхъ, беретъ за себя его жену Гурбесу. По нашему мнѣнію Таянъ-ханъ сказочная личность и исторія его можетъ быть принята за повтореніе исторіи о Ванъ-ханѣ. Поддержка предположенію, что о Чингисѣ былъ разсказъ, что онъ женился на вдовѣ Вана, можетъ быть заключается въ преданіи о томъ, какъ Чингисъ насильственно овладѣлъ женой царя Шидургу, по имени Гурбельджинъ-гоа. Въ статьѣ: «Акирь повѣсти и Акирь легенды» (Этногр. Обзор., кн. XXV, стр. 123) мы указали на отношенія къ Шидургу устныхъ монгольскихъ преданій о Шидырванѣ. Эти, послѣднія можетъ быть, представляютъ разсказы о Шидургу, не попавшіе въ письменные памятники.

Сюжет же, соединенный съ именемъ Шидырвана, напоминаетъ Вана кирейскаго; Шидырванъ, подобно Вану, составляетъ заговоръ, который выданъ измѣнникомъ, и Шидырванъ, подобно Вану кирейскому, поплатился жизнью. Если Шидургу дѣйствительно тождественъ съ Шидырваномъ и Ванъ-ханомъ, то въ исторіи Шидургу мы имѣемъ повтореніе разсказа о Чингисъ-ханѣ, отбирающемъ жену у Ванъ-хана.

Конецъ сказанія о Чингисъ-ханѣ и Ванъ также представляетъ сходныя черты съ тюркской сказкой.

Идыге, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ за р. Идилъ, возвращается къ Тохтамышу, чтобы отомстить ему. Тохтамышъ обращается въ бѣгство, сходить съ лошади, чтобы утолить свою жажду, и вслѣдъ за тѣмъ его убиваютъ; отрубленная голова его отвезена къ его женамъ. Чингисъ-ханъ, послѣ свитанія въ пустынь, идетъ противъ Ванъ-хана; Ванъ-ханъ убѣгаетъ, во время бѣгства сходить съ лошади, чтобы утолить жажду, и тутъ его убиваютъ; отрубленная голова его отвезена къ Тайянь-хану или подана его женѣ Гурбесу. Въ сказкѣ не самъ Идыге убиваетъ Тохтамыша, а его сынъ Мырадылъ; въ монгольскомъ сказаніи также не самъ Чингисъ убиваетъ Вана, а какой то найманъ Хорису. По аналогіи съ тюркской сказкой въ этомъ Хорису слѣдовало бы видѣть сына Чингиса.

Въ тюркской сказкѣ голова Тохтамыша привезена его женамъ; въ книжномъ монгольскомъ сказаніи она доставлена Тайянь-хану или подана царицѣ Гурбесу, женѣ Тайяна. Намъ кажется, тюркская редакція первоначальнѣе. Происхожденіе сбивчивости въ монгольской редакціи мы объясняемъ такъ: было два варианта, въ одномъ соперникъ Вана назывался Чингисомъ, въ другомъ Тайянь; въ обоихъ былъ разсказъ о томъ, что Ванъ былъ убитъ и голова его доставлена его врагу, въ одномъ Чингису, въ другомъ Тайяну. Монгольское книжное сказаніе есть вариантъ съ именемъ Чингиса, какъ соперника Вана, но редакція конецъ этого варианта отбросила и замѣнила его концомъ варианта съ именемъ Тайянь.

Въ трехъ сравниваемыхъ версіяхъ гонителей царей: Саула, Тохтамыша и Вана убиваетъ не центральное лицо сюжета, не Давидъ, не Идыге, не Чингисъ, а постороннее лицо: амалекитянинъ, Мырадылъ, найманъ Хорису. Если наше предположеніе вѣрно, что преданіе о ханѣ Тухтѣ и Ногаѣ есть отголосокъ монгольскаго сказанія объ отрубленной головѣ Тухта-бикі или Вана, то убійцѣ Хорису въ степномъ преданіи южной Россіи будетъ отвѣчать русскій, т. е. по тюркскому произношенію урусъ. Подъ этимъ терминомъ можетъ быть скрывается личное собственное имя Урусъ, и только позднѣе этотъ терминъ понять, какъ имя народа. Такое же объясненіе, можетъ быть, слѣдуетъ дать и появленію эпитета „русскій“ при имени Анысима; это было

собственное имя; „русскій богатырь Анысимъ“ есть позднѣйшее пониманіе; вначалѣ было парное: Урусъ-Анысимъ. Мы въ другомъ мѣстѣ уже указывали, что „русскій“ нѣсколько разъ встрѣтилось въ устныхъ народныхъ сказаніяхъ о Чингисѣ; мы возлѣ него находимъ: 1) „русскаго охотника“, урусъ гуречинъ, 2) дочь, которая становится „русской“ царицей. Такія находенія этого термина рядомъ съ Чингисомъ и здѣсь могутъ быть объяснены тѣмъ, что персонажъ, стоящій возлѣ Чингиса, носилъ собственное имя Урусъ. Мы уже высказали свое подозрѣніе, что этимъ именемъ назывался сынъ Чингиса („Этногр. Обзоръ“, кн. XVI, стр. 93). Если въ сюжетѣ о ханѣ гонитель мести дѣйствительно совершается сыномъ гонимаго, какъ мы предположили нѣсколько строкъ выше, то мститель за Чингиса долженъ носить имя Урусъ вмѣсто Хорису, какъ въ книжномъ сказаніи.

Мы указывали уже на то, что тема о найденныхъ въ степи подъ деревомъ одинаково приурочивается и къ Чингису, и къ Цоросу или Чоросу („Этногр. Обзоръ“, кн. XVI, стр. 94), что ведетъ къ догадкѣ, что имя Чингисъ замѣщалось именемъ Цоросъ и въ другихъ сюжетахъ. Если съ одной стороны Цоросъ или Чоросъ фонетическія версіи имени Урусъ, если съ другой смерть Вана приписывалась не сыну Чингиса Урусу, а самому Чингису (носившему имена Цоросъ, Урусъ, Хорису), то умерщвленіе Вана будетъ отцеубійствомъ. Такое толкованіе совпадетъ съ нашей догадкой, что и въ преданіи о Шидургу (Шидырванѣ?) нужно подозрѣвать болѣе полный сюжетъ. Шидургу былъ отецъ Чингиса, Чингисъ убилъ его, своего отца, и женился на его женѣ, своей матери. Жена Шидургу оскотничаетъ Чингиса и сама бросается въ рѣку. Монгольское сказаніе забыло мотивы такой специальной казни; это обычный конецъ матери, признавшей въ новомъ своемъ мужѣ, въ Чингисѣ, своего сына.

Пересмотримъ вкратцѣ сдѣланныя нами сближенія.

Сказка объ Идыге и сказаніе о Чингисѣ представляютъ слѣдующія параллели: 1) И Идыге и Чингисъ найденыши; они найдены младенцами въ степи. 2) Оба потомъ находятся на службѣ у царя, Идыге у Тохтамыша, Чингисъ у Вана. И Тохтамышъ и Ванъ мучимы подозрѣніями о будущемъ торжествѣ ихъ раба; подозрѣнія эти внушены стороннимъ лицомъ (женщинами). И Тохтамышъ и Ванъ оба замышляютъ умертвить противника, но дворцовый секретъ открыть челоуѣкомъ, внесившимъ кумысъ. 3) И Тохтамышу и Вану отрублена голова. Къ этимъ тремъ параллелямъ можетъ быть слѣдуетъ еще присоединить одну, если можно къ посольству Цанъ-пая къ Идыге приравнять пословъ Чингиса къ Вану.

Идыгѣю отвѣчаетъ Чингисъ, Тохтамышу—Ванъ (и Мырадыму, Хорису, Цанъ-пая два персонажа Бадай и Кишликъ).

Въ сказаніяхъ о Чингисѣ есть имена, сходныя съ Тохтамышемъ, какъ

это было уже указано выше: въ киргизскомъ Тохту-гуль, въ книжномъ монгольскомъ Тухта-бикки. Форма Идыге, которую въ тюркской сказкѣ замѣняетъ Чингисъ, въ монгольскихъ сказаніяхъ не встрѣчается; въ нихъ есть имя Джиданойонъ; можетъ быть, первую половину этого имени Джидан можно сопоставить съ началомъ тюркского имени: Иды, и окончаніе же почтѣть замѣненнымъ вторымъ членомъ „нойонъ“. Въ преданіяхъ объ этомъ Джиданойонѣ есть сходныя черты съ Чингисъ-ханомъ; подобно послѣднему, въ дѣтствѣ онъ былъ гонимъ; какъ Чингисъ-хана прятали въ телѣгу подъ шерсть, такъ Джиданойона прятали подъ шерсть (Записки Русск. Археол. Общ., XIV, 190); о другихъ сходныхъ чертахъ см. Танг. тиб. окраину Китая, II, 274. Намъ кажется, что преданія о Джиданойонѣ есть слѣды того, что и въ Монголіи существовалъ сюжетъ объ обезглавленномъ царѣ-гонимѣ и его врагѣ съ именемъ одного корня съ Идыге ¹⁾).

Для нѣкоторыхъ темъ тюркской сказки и монгольского преданія не находится параллелей; такъ, въ монгольскомъ преданіи есть рассказъ о томъ, какъ плѣнному Чингисъ-хану были набиты колодки на шею и на ноги, и какъ онъ бѣжалъ и спрятался въ водѣ; этому рассказу нѣтъ отвѣчающаго въ тюркской сказкѣ; въ свою очередь, въ монгольскомъ преданіи нѣтъ игры въ царя.

Мы сблизили сказаніе о Чингисъ-ханѣ съ тюркской сказкой объ Идыге, а эту послѣднюю (въ статьѣ „По поводу новыхъ привлеченій къ быліи о Добрынѣ“ въ Этн. Обзор., кн. XII, стр. 58) съ библейскимъ рассказомъ о Саулѣ и Давидѣ. Параллели тюркской сказки съ библейскимъ рассказомъ многочисленны; монгольское преданіе бѣды библейскими темами. Дѣтство Чингиса совсѣмъ не находитъ параллелей въ библейскомъ рассказѣ. Онъ является только въ періодъ службы у царя; эпизодъ о замыслѣ Вана убить Чингиса отвѣчаетъ подобному же умыслу Саула въ отношеніи Давида; исторія Вана кончается сходно съ исторіей Саула; онъ убитъ въ полѣ, и ему отрублена голова, какъ и Саулу. Есть вѣроятіе думать, что ордынскія преданія о Чингисѣ въ старину передавались полнѣе и число совпаденій его съ библейскимъ рассказомъ было больше. Такъ, напримѣръ, въ нихъ вставлялся вѣроятно рассказъ о порицаніи убійцы, поднявшаго руку на царя, вродѣ того, какое приписывается Давиду. Въ ордынскомъ сказаніи эта рѣчь вложена въ уста Таанъ-хана, а не Чингиса ²⁾);

¹⁾ Въ монгольскомъ книжномъ, къ корню Иды прибавленъ только инициалъ дж. Примѣръ этого можно видѣть въ варіаціяхъ тюркского имени совѣздя Большой Медвѣдицы: Едиганъ, Жидиганъ, Еджиганъ, Джетыганъ, Четтыканъ, Чедыганъ, Тьедеганъ, Тьетыганъ и т. п. (Очерки с. в. Монголіи, II, 125; IV, 137, 711; Тангут-тиб. окраина Китая, II, 318).

²⁾ „Такого великаго старика-государя зачѣмъ убили вы? Слѣдовало привести живымъ!“ Вотъ были слова Таана (Труды Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XIII, стр. 146).

гораздо ближе къ библейскому рассказу она сохранилась въ преданіи южно-русскихъ степей о ханѣ Тухтѣ. Другія детали библейскаго рассказа попали въ преданія, еще болѣе отдаленныя отъ сказанія о Чингисѣ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ намъ кажется, можно найти въ легендахъ о построеніи храма въ Лассѣ. Нѣкоторыя темы этой легенды—неоднократное разрушеніе построеннаго, невозможность довести постройку до конца безъ помощи вѣщаго человѣка, и другія (см. въ ст. «Акирь повѣсти и Акирь легенды» въ «Этногр. Обзор.», кн. XXV, стр. 106)—встрѣчаются въ талмудической легендѣ о построеніи храма Содономъ; тема о царѣ-насилъникѣ, убитомъ выстрѣломъ, можетъ быть, отраженіе рассказа о поединкѣ Давида съ Голиафомъ ¹⁾. Бѣгство человѣка, убившаго царя-насилъника, и его укрываніе въ пещерѣ мы уже сближали въ вышеупомянутой статьѣ съ бѣгствомъ и укрываньемъ въ пещерѣ Давида ²⁾. Въ исторіи Саула есть одна тема о семи отрубленныхъ головахъ; не она ли же въ сказаніи о Гесерѣ, гдѣ также есть семь отрубленныхъ головъ ³⁾, и гдѣ также есть тема о построеніи храма въ честь Арья-Бало (т. е. того же бога, въ честь котораго строился и ласскій храмъ)? Былъ голодъ на землѣ при Давидѣ три года. Давидъ спросилъ Бога и узналъ, что это въ наказаніе за то, что Саулъ умертвилъ Гаваонитянъ. Давидъ призвалъ Гаваонитянъ и спросилъ, чѣмъ ихъ можно примирить. Тѣ потребовали изъ потомства ихъ истребителя семь человѣкъ. Давидъ взялъ двухъ сыновей Риццы, жены или наложницы Саула, и пять сыновей Мелхолы, дочери Саула, которая была за сыномъ Верзелліа, и отдалъ. Тѣ повѣсили ихъ (на солнцѣ) на горѣ предъ Господомъ въ первые

¹⁾ Тибетская легенда не говоритъ о мѣстѣ, въ которое былъ пораженъ царь-насилъникъ (царь съ бычьими рогами); ударъ въ лобъ находится въ бурятской легендѣ о первомъ шаманѣ; шаманъ поражаетъ въ лобъ царя неба Эсэгэ-малана, чтобы отнять у него похитившую имъ душу человѣка и тѣмъ возвратить послѣдняго къ жизни.

²⁾ Убийца царя-насилъника, чтобы удачно совершить свое предпріятіе, одѣлся въ мантию, въ родѣ тѣхъ мантий, въ какихъ пляшутъ монахи въ храмовыхъ хоровахъ, и вышелъ плясать на городскую площадь («Танг.-тиб. окраина Китая», II, 199). Я уже указалъ на сходство этой сцены съ XXIII главой монгольского сборника „Шиддикуръ“, въ которой безымянный герой, закоммунированный въ какой-то сорочій ярмакъ, также пляшетъ передъ царемъ и царицей; царица улыбнулась, увидѣвъ пляшущаго (это былъ ея старый другъ) и получила за это упрекъ своего мужа—какъ будто намека на Мелхолу, которая смѣялась при видѣ пляшущаго Давида. Убийца царя-насилъника, совершивъ убійство, спасается бѣгствомъ; за нимъ погоня; убійца прячется въ пещеру и принимаетъ видъ статуи сидящаго бога. Гнавшіеся заглянули въ пещеру, приняли бѣглеца за статую и не потрогали его—то же какъ будто намека на статую, которую люди Саула нашли въ постели вмѣсто Давида и которую положила туда Мелхола.

³⁾ Въ монгольской повѣсти о Гесерѣ семь головъ потребовалось для того, чтобы вывести царство Гумень-хана изъ омертвѣлаго состоянія, въ которое оно впало.

дни жатвы ячменя. Рипца съѣла на вретнице на горѣ и сидѣла, пока не полились воды съ неба (II кн. Царствъ, гл. XXI).

Выше мы сказали, что для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ изъ этого сюжета, особенно тѣхъ, которыя могутъ быть сближены съ христіанскими апокрифами, возможно допустить происхожденіе, независимое отъ христіанскаго и мусульманскаго вліянія. Эти черты или темы могли зародиться на дальнемъ Востоку и зайти оттуда въ Палестину въ очень раннюю пору, даже до начала ассирійской цивилизаціи, если вѣрить нѣкоторой части ассириологовъ, утверждающихъ, что ассирійской цивилизаціи на Тигрѣ и Евфратѣ предшествовала цивилизація туранская, точнѣе аккадійская или сумерская; вѣрованія этихъ аккадійцевъ напоминаютъ ассириологамъ сибирское шаманство. Можно допустить, что и въ сюжетахъ аккадійскихъ легендъ были сходныя черты съ шаманскими легендами. Нѣкоторыя темы могли зайти изъ дальняго востока Азіи въ Вавилонъ и Ассирію, а отсюда передаться въ Палестину. Имена библейскихъ лицъ, упоминаемыхъ въ занимающемъ насъ въ этой статьѣ сюжетѣ, а именно: Саула, Давида и Соломона, по мнѣнію Sayce'a (The Hibbert lectures, 1887 г. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religion of the ancient Babylonians, by A. H. Sayce. Lond., 1887, p. 52—58) аккадійскія; еврейскія же имена Давида и Соломона были El-hanan и Jedidiah; Саулъ, Давидъ и Соломонъ—это имена аккадійскихъ боговъ, которыя были перенесены на лица еврейской исторіи. Нѣкоторыя темы, связанныя теперь съ этими именами въ христіанскихъ апокрифахъ, въ талмудическихъ и мусульманскихъ легендахъ могли быть приурочены къ нимъ еще ранѣе, чѣмъ эти темы были принесены въ Переднюю Азію ¹⁾.

¹⁾ Сейсъ говоритъ: „Нѣсколько лѣтъ назадъ я старался на страницахъ Modern Review (January, 1884) показать, что имена, подъ которыми извѣстны три еврейскіе царя, Саулъ, Давидъ и Соломонъ, не были именами, полученными въ дѣтствѣ, а были именами, впоследствии имъ усвоенными народомъ“. Относительно Соломона это такъ и было; подлинное его имя, данное ему Богомъ, черезъ Нафана, было Jedidiah; оно было измѣнено въ Соломонъ, „исполненный мира“ (the peaceful one), когда отецъ его примирился со всѣми своими врагами. Что подлинное имя Давида было El-hanan (или Bal-hanan) это давно подозревали, имѣя въ виду мѣсто, гдѣ упоминается, что Ель-хананъ, сынъ вилеелманина, убилъ Голиафа гиттита, древнокопья котораго было подобно челноку ткача (2 Sam. XII, 24, 25), дѣло, которое въ другомъ мѣстѣ приписывается Давиду. Подъ именемъ Javul или Sawul былъ въ Вавилонѣ извѣстенъ богъ солнца. Sallimanni (Соломонъ) былъ „богъ мира“, который почитался особенно въ Ассиріи. Имя Давида Сейсъ сближаетъ съ Додо; во главѣ тридцати силачей Давида поставленъ Ель-гананъ, сынъ Додо изъ Вилеелма (2 Sam. XXIII, 24), что мы, вѣроятно, должны, говоритъ Сейсъ, читать: „Ель-гананъ, который есть Додо“, т. е. Давидъ. Додо есть мужская форма финикійскаго божества; женская форма была извѣстна римскимъ писателямъ подъ именемъ Дидо. Это была подруга бога солнца, отождествляемая въ Карфагенѣ съ Элисой, основательницей города.

Въ заключеніе нашей статьи намъ необходимо еще разъ остановиться на отношеніяхъ сказки объ Идыге въ историческому Едигею, съ которыми нынѣшніе ордынцы отождествляютъ своего сказочнаго героя. Какъ въ сказкѣ являются два имени: Идыге и Тохтамышъ рядомъ, такъ и въ исторіи, и притомъ въ одинаковомъ взаимномъ положеніи—въ обоихъ случаяхъ Тохтамышъ ханъ, а Идыге его подданный, придворный. Шаблонное разрѣшеніе вопроса о совпаденіи этихъ именъ будетъ такое: были двѣ историческія личности, могущественный ханъ Тохтамышъ и его приближенный Едигей, прославившіяся своими военными подвигами и вліяніемъ на дѣла въ государствахъ. Объ Едигеѣ ходило много рассказовъ въ ордѣ; со временемъ эти рассказы могли сложиться въ стройную сказку или, въ виду указанныхъ въ этой статьѣ параллелей, рассказы о дѣйствительной жизни Едигея могли быть вытѣснены библейскимъ сюжетомъ о пророкѣ Давидѣ. Исторія о Саулѣ и Давидѣ зашла въ орду и потомъ библейскія имена замѣстились въ ней именами историческихъ личностей хана Тохтамыша и его темника Едигея. На такомъ объясненіи можно было бы успокоиться, еслибъ была полная увѣренность, что ни имена Тохтамыша и Идыге,

Сейсъ сближаетъ Додо также съ ассирійскимъ Дадъ; это вѣроятно, говоритъ онъ, то же самое, что Давидъ евреевъ и Дидо финикійца. Мать этого персонажа Jamlah „изъ земли вина“ Сейсъ отождествляетъ съ Семейой греческой мифологіи, матерью Діониса, бога вина (Sayce, Lectures. p. 181). Последнее сближеніе Сейса особенно интересно; черезъ Семейу-Jamleh Давидъ отождествляется съ Діонисомъ; въ своей книгѣ Тангутъ-тибетская окраина Китая, Спб., II, на стр. 276, мы привели параллели между преданіями о Чингисъ-ханѣ и миеомъ о Діонисѣ, а въ статьѣ „По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынь“ (Этногр. Обзор. кн. XXII, стр. 60) мы указали на черты въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, сходныя съ исторіей царя Давида. Нельзя не обратить вниманія на замѣчательное совпаденіе Давида съ Діонисомъ, открываемое на двухъ такихъ отдаленныхъ точкахъ Сейсомъ на почвѣ Передней Азіи и нами въ центральной Азіи. На западѣ еврейскій Давидъ, (т. е. персонажъ съ сюжетомъ о заговорѣ царя противъ своего слуги) Сейсомъ сближается съ Діонисомъ, богомъ вина; на востокѣ Чингиса, о которомъ, по нашей догадкѣ, рассказывалась та же сказка, какъ и о Идыге, т. е. тотъ же сюжетъ о заговорѣ царя противъ своего слуги, мы сближали съ греческимъ богомъ Діонисомъ, отчасти на томъ основаніи, что Чингисъ также изобрѣтатель вина (см. Тангутъ-тибетская окраина Китая. Спб., 889, II, 276).

Если сюжетъ о Давидѣ (въ видѣ сказанія о Чингисѣ) въ Монголію занесли несториане, то они не могли принести вмѣстѣ съ библейскимъ рассказомъ и языческую тему о Діонисѣ. Это удивительное совпаденіе (на востокѣ Чингисъ, къ которому приуроченъ Діонисъ, на западѣ Давидъ, въ которомъ Сейсъ видитъ Діониса, оба одинаково играютъ одну роль въ рассказѣ о царѣ, составляющемъ заговоръ своего слуги)—можетъ быть объяснено или тѣмъ, что монгольскіе рассказы о Чингисѣ (о Чингисѣ-Давидѣ и о Чингисѣ-Діонисѣ) были присосаны въ Монголію задолго раньше христіанства, когда еще на западѣ было въ ясной памяти тожество Давида и Діониса, или что оба эти сюжета давно въ Монголіи приурочивались къ одному лицу Чингису (другое его имя можетъ быть было Тубуть) и уже отсюда были увнесены въ Палестину, гдѣ эти сюжеты разъединились на отдѣльные рассказы: рассказъ о Діонисѣ и рассказъ о Давидѣ.

ни формы, съ ними сходныя, не встрѣчаются въ другихъ турецкихъ сказкахъ и преданіяхъ. Между тѣмъ, этой увѣренности у насъ нѣтъ. Въ числѣ турецкихъ преданій изъ исторіи южной Россіи мы находимъ разсказъ о царѣ Тухтѣ, имя котораго напоминаетъ имя Тохтамышъ; Ногаю, который велъ войну съ Тухтой, отрублена голова и привезена къ Тухтѣ; хотя этотъ конецъ разсказа не соответствуетъ турецкой сказкѣ, голова отрублена Ногаю, а не Тухтѣ, какъ бы слѣдовало ожидать по сходству имени, но на принадлежность этого разсказа къ одной группѣ съ турецкой сказкой указываетъ одна черта, именно упреки убійцѣ, которые высказываетъ Тохта; поразительное сходство этого мѣста съ библейскимъ разсказомъ о Давидѣ, которому принесена голова Саула, уже отмѣчено давно, именно Юлемъ въ его комментаріяхъ къ Марко Поло (см. мою ст.: „По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынь“). Если разсказъ о Тухтѣ действительно есть отголосокъ библейскаго разсказа, то значить исторія о Давидѣ и Саулѣ рассказывалась ранѣе конца XIV вѣка, въ которомъ жилъ Тохтамышъ, и уже въ началѣ этого вѣка была связана съ именемъ Тухта. Этого мало; въ указанной выше статьѣ я высказалъ подозрѣніе, что тотъ же персонажъ скрывается въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ подъ именемъ Тухта-беки; слѣдуетъ вспомнить также, что, по киргизскому преданію Шингисъ, т. е. Чингисъ-ханъ былъ приемышъ Тохтугула; здѣсь опять мы слышимъ форму Тохту. Родственное отношеніе, въ которое киргизское преданіе ставитъ Чингиса къ Тохтугулу, совпадаетъ, хотя и не вполне, съ приведенными нами выше въ этой же статьѣ соображеніями о сыновнихъ отношеніяхъ Идыге къ Тохтамышу и Чингисъ-хана къ Вану кирейскому. Если эти соображенія не лишены основанія, то значить сюжетъ о Давидѣ и Саулѣ уже въ XIII ст. приурочивался къ формѣ Тухта или Тохту. Очень рано этотъ сюжетъ изъ Средней Азіи зашелъ въ южную Россію и можетъ быть, персонажъ, соответствующій Саулу, назывался въ немъ Тохтамышемъ. Впослѣдствіи, когда на исторической сценѣ появился другой Тохтамышъ, къ нему была привязана сказка о древнемъ, сказочномъ Тохтамышѣ, а на персонажъ, соответствующій Давиду, было перенесено имя Тохтамышева темника Едигея. Такое объясненіе можно принять подъ условіемъ, что имя Едигей или Идыге въ турецкихъ сказкахъ до временъ Тохтамышъ, хана Золотой Орды, не стояло рядомъ съ именемъ Тохтамышъ. Выше мы высказали мнѣніе, что тотъ же библейскій сюжетъ былъ приуроченъ и къ Чингисъ-хану; Саулу въ монгольскомъ сказаніи отвѣчаетъ Ванъ кирейскій, а Давиду Чингисъ. Это можно понять такъ, что въ степяхъ Монголіи жила прежде сказка, совершенно сходная съ турецкой объ Идыге и Тохтамышѣ, и что въ ней ханъ иногда назывался Ваномъ, иногда Тухтубики или Тохтугуломъ (можетъ быть, даже и Тохтамышемъ), а вмѣсто имени Идыге стояло Чингисъ. Такъ это имя

могло въ ордынской сказкѣ дожить и до историческаго Идыге, и только съ появленіемъ послѣдняго исчезло изъ сказки имя Чингисъ. Но, повторяемъ, если бы оказалось, что имя Чингиса уже въ старое время замѣнялось иногда именемъ Едигей или Идыге, тогда мы встрѣтили бы большое затрудненіе примирить сказку съ исторіей посредствомъ того предположенія, которое мы сдѣлали, именно, что имя Едигей изъ исторіи попало въ сказку. А между тѣмъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ имя Джиданойонъ, первый членъ котораго можно принять за фонетическое измѣненіе первой половины имени Идыге; съ другой стороны, съ именемъ Джиданойонъ соединена тема, сходная съ темой о Чингисъ-ханѣ; его въ дѣтствѣ прячутъ подъ шерсть, какъ и Чингисъ-хана; напрашивается, такимъ образомъ догадка, что тотъ же сюжетъ рассказывался съ другими именами, вмѣсто Чингисъ-хана стоялъ Джиданойонъ, т. е. Джиданойону приписывалась та роль, которую въ турецкой сказкѣ играетъ Идыге; словомъ связь имени Идыге съ сюжетомъ какъ будто древнѣе, чѣмъ время Тохтамышъ, хана Золотой Орды.

На древность существованія имени Идыге на востокъ указываетъ также одно бурятское преданіе о предкѣ родовъ Шарятъ и Харятъ. На озеро Алтынъ-норъ летали купаться три дочери неба подъ видомъ лебедей. Шаманъ Одыгэ-хогоръ-бѣ (хогоръ-кривой, бѣ-шаманъ), когда двѣицы вошли въ воду, укралъ платье младшей изъ сестеръ и она должна была стать женой шамана. Этой же темой, какъ видно изъ нашей статьи, начинаются и киргизскія сказки объ Идыге; только женитьба на двѣхъ-лебедяхъ отнесена не къ Идыге, какъ слѣдовало бы ожидать по сходству именъ Одыгэ и Идыге, а къ его отцу. Но намъ кажется несомнѣннымъ, что бурятское имя Одыгэ тотъ же турецкій Идыге; вмѣсто турецкаго опредѣленія бѣ, „судья“ въ бурятскомъ преданіи стоитъ бѣ „шаманъ“, что, должно быть, первоначальнѣе; другое опредѣленіе „кривой“ заставляетъ припомнить, что въ турецкой сказкѣ у Идыге былъ вышибленъ глазъ. По нашему мнѣнію, это бурятское преданіе убѣждаетъ, что форма Одыгэ-Идыге была давно извѣстна на востокъ (около Байкала), что она была приурочена къ тѣмъ же темамъ, какъ и въ турецкихъ сказкахъ, и что была связь этихъ сказаній объ Одыгэ съ сказаніями о Чингисъ-ханѣ, потому что тема о двѣхъ-лебедяхъ вообще приурочивается къ преданію о предкѣ, а Чингисъ считается предкомъ и, кромѣ того, въ другихъ бурятскихъ вариантахъ о двѣхъ-лебедяхъ мѣсто Одыгэ занимаетъ Хоридой, имя одного изъ предковъ Чингисъ-хана (см. нашу ст. „Греческій эпосъ и ордынскій фольклоръ“ въ Этногр. Обзор., кн. XXII, стр. 35). Собранные отрывки сказаній о Хоридой и Чингисѣ, намъ кажется, представляютъ обломки сказки, которая начиналась такъ: Хоридой (вмѣсто Баба-Тукласа) женится на двѣхъ

лебеде; отъ нея родится сынъ Одыге (вмѣсто Идыге); мать бросаетъ ребенка подъ деревомъ и сама улетаетъ. Ребенокъ найденъ (темы о Чингисѣ, Одуи-Бодунѣ и пр.). Расстояние между бурятской территоріей и областью, въ которой распространены тюркскія сказки объ Идыге такъ велико, что позднѣйшее заимствование бурятами отъ тюрковъ допустить нельзя. Бурятское преданіе несомнѣнно реликвія отъ болѣе широкаго на востокъ распространения сказки объ Одыге. Примирить въ данномъ случаѣ нахождение обѣихъ формъ: Тухта и Иды-Джида и въ сказкѣ, и въ исторіи можно только предположеніемъ, что темникъ Тохтамышъ не назывался Едигею отъ рождения и что онъ получилъ это имя только впоследствии; когда онъ прославился своими подвигами, на него народъ перенесъ имя извѣстнаго ему изъ сказокъ визири хана, который носилъ общее имя съ ханомъ, современникомъ темника ¹⁾.

Немного позже при составленіи лѣтописей составители ихъ не могли избѣгнуть вторженія сказочныхъ мотивовъ въ лѣтопись или, по крайней мѣрѣ, влияния ихъ на лѣтописный рассказъ. Исторія объ Идику (Едигѣ) рассказана, между прочимъ, по-арабски въ сочиненіи Ибнарабшаха „Чудеса предопредѣленія въ судьбахъ Тимура“ (В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 458 и слѣд.). Эмиръ Идику былъ у Тохтамыша однимъ изъ главныхъ эмировъ, рассказываетъ Ибнарабшахъ, однимъ изъ вельможъ, избравшихся во время бѣдствій для устраниенія ихъ. Замѣтивъ въ своемъ владѣннѣ перемѣну въ расположеніи къ нему, Идику сталъ бояться за себя, и такъ какъ Тохтамышъ былъ свирѣпаго нрава, то Идику приготовился бѣжать. Онъ сталъ наблюдать за ханомъ, притворно ухаживая за нимъ. Однажды во время пира Тохтамышъ сказалъ Идику: „настанетъ день, когда бѣда ввергнетъ тебя въ нищету“. Идику прикинулся покорнымъ, но потомъ, улучивъ минуту, быстро проскользнулъ между свитою и слугами въ смущеніи, какъ будто хотѣлъ исполнить нужное дѣло, прошелъ въ ханскую конюшню, сѣлъ на осѣдланнаго коня, и, сказавъ своимъ приверженцамъ: „ищите меня у Тимура“, убѣжалъ къ Тимуру (т. е. къ Тамерлану или Аксакъ-Тимуру). Здѣсь онъ сталъ подговаривать Тимура напасть и погромить Тохтамыша; этимъ и было вызвано нашествіе

¹⁾ Въ историческихъ памятникахъ есть намеки на восточный обычай давать прозвища выдающимся лицамъ. Такъ армянскій лѣтописецъ Матакія рассказываетъ, что за удачливость въ битвахъ давалось прозвище: „золотой столбъ“ (Паткановъ, Исторія монголовъ инока Матакія, Спб., стр. 20). Золотымъ столбомъ у монголовъ и у древнихъ уйгуровъ называлась Полярная звѣзда (по монгольски алтынъ хатасмынь, по-бурятски алтынъ хатаганъ). Рашидъ Эддинъ сохранилъ намъ извѣстіе, что людей съ выдающимся умомъ называли алтанъ-ходого; Рашидъ-Эддинъ переводитъ: „золотой горшокъ“ (Труды Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., XIV, 154); вѣроятно это тотъ же алтынъ-хатаганъ или алтынъ-хатасмынь.

Тимура на владѣнія Тохтамыша. Вслѣдствіи Идику бѣжалъ отъ Тимура на сѣверъ, собралъ своихъ приверженцевъ и началъ войну съ Тохтамышемъ, въ которой послѣдній былъ убитъ.

Лѣтописный рассказъ о замыслѣ Тохтамыша противъ Едигея совпадаетъ съ сказкой. Конечно, можно истолковать это обстоятельство и такъ, что въ лѣтописи описано дѣйствительное событіе и преданіе о немъ повліяло на сказку, но ничто не мѣшаетъ представить ходъ дѣла въ противоположномъ смыслѣ, то есть ничто не мѣшаетъ посмотреть на лѣтописный рассказъ, какъ на вторженіе сказки въ лѣтопись. Рассказъ лѣтописи неопредѣленный, не-отличающійся отъ сказочнаго изложенія; ни какія мелкія подробности или точныя обозначенія не придаютъ ему характера рассказа о несомнѣнно дѣйствительномъ происшествіи.

Киргизскій вариантъ г. Султанъ-Газина даетъ поводъ къ сближенію этой тюркской сказки съ извѣстнымъ древнимъ египетскимъ романомъ о двухъ братьяхъ Анпу и Битю, или Бата. Идыге такой же пастухъ, какъ и Бата; жена Тохтамыша соблазняетъ Идыге, подобно тому, какъ жена Анпу ищетъ любви у Бата; Идыге, какъ и Бата, отказывается отъ ея ласокъ; жена Тохтамыша посредствомъ выдумки старается вызвать у мужа гнѣвъ ¹⁾, подобно жентѣ Анпу, которая оговариваетъ Бата. Анпу гонится за братомъ; въ тюркской для совпаденія слѣдовало бы Тохтамышу гнаться за Идыге, но гонится за нимъ другое лицо—Джанбай; имя это близко къ египетскому Анпу; можно допустить, что въ другихъ редакціяхъ это имя и стояло на мѣстѣ Тохтамыша то есть рассказъ начинался съ того, что Идыге пастъ скотъ у Джанбая, былъ оклеветанъ женою Джанбая и Джанбай гнался за Идыге ²⁾. Внезапно возникающая рѣка разъединяетъ братьевъ Анпу и Бата; и въ тюркской сказкѣ, намъ кажется, случилось тоже; Джанбай догналъ Идыге, но близко подѣхавъ къ нему мѣшаетъ рѣка Идилъ; я думаю, что рѣка, сдѣлавшись мелкой,

¹⁾ Варианты съ подобной темой были извѣстны и Чокану Валиханову; см. „Жизнь Старина“, 1891 г., в. IV, стр. 163.

²⁾ Имя Джанбай ср. съ Шянба, Жамба, тибетскимъ именемъ бога Майдари, который въ легендахъ изображается людоедомъ или мясникомъ, обжирившимъ руки своимъ ремесломъ, и только впоследствии показавшимся (см. Тангуты-тиб. окраина Китая, II, 235); есть легенды, рассказывающія о спорѣ Майдари съ Бурханомъ-бакши (Буддой) объ управленіи міромъ; въ одномъ вариантѣ богъ убѣгаетъ со знакомъ міродержавничества, другой за нимъ гонится; подъ первымъ надо разумѣть Бурхан-бакши (Будду), подъ вторымъ Майдари (Жамба) (Очерки с. з. Монголіи, IV, 330). Другая легенда о Буддѣ: Царевичъ Ясода (Будда) убѣгаетъ изъ дворца; ворота сами передъ нимъ растворяются безъ шума; рѣка дѣлается мелкою. Отецъ царевича бѣжитъ за нимъ слѣдомъ; но Будда держитъ къ нему рѣчь и убѣждаетъ его возвратиться (Beal, The romantic legend of Sakya Buddha, Lond., 1875, p. 261.).

пропустила Идыге, а при приближении Джанбая воды ее поднялись или даже ее раньше не было, а она вдруг возникла ¹⁾).

Джанбай, подобно Анпу, возвращается домой. Оставшемуся за рѣкой Бата семь боговъ Natzor создают жену; въ турецкой сказкѣ вмѣсто семи боговъ семь единцов; они помогают Идыге отнять у богатыря Анысима дѣвицу, дочь Са-темир-хана ²⁾).

Въ киргизскихъ преданіяхъ извѣстенъ персонажъ Осъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ; не этотъ ли Джанибекъ стоялъ нѣкогда на мѣстѣ Тохтомыша въ турецкой сказкѣ и на мѣстѣ Ванъ-хана въ монгольской, и теперь сохранился подъ видомъ Джанбай? Джанибекъ въ легендѣ объ озерѣ Иссык-Куль изображается нечестивымъ царемъ, который имѣлъ ослиныя уши или бычьи рога, слѣдовательно, соответствуетъ Ельдигенъ-чигту-хану, „царю съ ослиными ушами“ монгольскихъ сказокъ ³⁾ и Ландармъ, царю съ бычьими рогами тибетскаго сказанія. Можетъ быть, подобно тому, какъ въ египетскомъ романѣ Анпу и Битью стоятъ въ родственномъ отношеніи другъ къ другу, и тутъ также Идыге и Джанбай (Тохтомышъ?) были братья: Тохтомышъ или Джанбай старшій, Идыге младшій.

Въ киргизскихъ разсказахъ возлѣ Джанибека ставится иногда визирь Джиренше-шешенъ, „мудрый Джиренше“; если дѣйствительно Тохтомышъ и Ванъ-ханъ лица тождественныя съ Джанибекомъ ⁴⁾, то возлѣ нихъ можно искать лицо, отвѣчающее Джиренше-шешену. И, въ самомъ дѣлѣ, около Ванъ-

¹⁾ Сюжетъ египетскаго романа не чуждъ Монголіи; разсказъ о женщинѣ, которую отнимаетъ у мужа царь, узнавшій о ея существованіи по волосамъ, снесеннымъ рѣкой, содержится въ монгольскомъ Сборникѣ Шиддикуръ, въ XXIII главѣ. Мною въ Монголіи записанъ устный разсказъ о двухъ братьяхъ. (Очерки, IV, 237).

²⁾ Тутъ, можетъ быть, въ двухъ, трехъ строкахъ заключается сокращенный разсказъ о семи или шести товарищахъ, помогающихъ добыть женщину или возвратитъ увезенную жену. Въ монгольскихъ сказкахъ о женщинѣ, увезенной царемъ, узнавшимъ о ея существованіи по волосамъ, снесеннымъ рѣкой, прежнему мужу возвратитъ жену помогаютъ шесть названныхъ братьевъ. Гесэру нѣсколько товарищей помогаютъ убить морское чудовище и овладѣть его женой (Benj. Bergman, Nomad. Streifereien unter d. Kalmücken, Riga, 1864, Th. III, s. 276). Джиртушлюку 6 товарищей помогаютъ добыть дочь Варса-Кильмеса; по дорогѣ къ этому Варса-Кильмесу Джиртушлюкъ встрѣчаетъ сначала одну старуху, потомъ другую, и т. д.; у каждой есть сынокъ, который и примыкаетъ къ Джиртушлюку (Radloff, Proben, IV, 453); повидимому, всѣ они также едины, т. е. однородные сыновья своихъ матерей.

³⁾ Чикту, чикиту отъ чикинъ, „ухо“; объ Ельдигенъ-чигту-ханѣ говорится иногда, что это былъ глупый или сумасшедшій ханъ; цокту. Въ связи съ этой формой можетъ быть и форма Цоктай (Цоктай-хану приписывается истребленіе дѣтей, см. Тангуты-тиб. окраина Китая, II, 284), а также Тохта въ сложныхъ Тохтамышъ или Тохтомышъ, Тохтугуль, Тохтубики и пр. Окончанія мышъ и мысъ можетъ быть тюркомонгольское мангысъ или мангушъ, „многоголовый змѣя“, потерявшее свой носовой звукъ нг.

⁴⁾ Въ именахъ Ванъ-ханъ и Джанибекъ вторые члены: ханъ и бекъ означаютъ „царь“, „князь“.

хана упоминается сходное имя; это Така-Джаранъ у Рашидъ-эддина и Ыѣ-Черянъ въ Юань-чао-ми-ши. Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что Така-Джаранъ былъ „бекъ изъ беконъ“ у Ванъ-хана (Записки Русск. Археолог. Общ., XIV, 166). Въ Юань-чао-ми-ши Ыѣ-Черянъ приписано военное участіе въ выдачѣ заговора Ванъ-хана противъ Чингисъ-хана. Въ то время, какъ слуга вносилъ въ юрту кумысъ, Ыѣ-Черянъ повѣрялъ своимъ домашнимъ дворцовый секретъ; слуга подслушалъ разговоръ и догадался, что ему (выгодно будетъ дать объ этомъ знать Чингису (Груды Пекинской дух. миссіи, IV, 124). Въ этихъ парныхъ именахъ члены Джаранъ и Черянъ стоятъ на мѣстѣ Джиренше (въ алтайскихъ вариантахъ сказокъ о Джиренше это имя замѣняется формой Ерень-шешенъ), а члены Така и Ыѣ отвѣчаютъ эпитету шешенъ ¹⁾.

Тибетская легенда о построеніи храма въ городѣ Лассѣ, заключающая въ себѣ разсказъ о царѣ Ландармѣ, состоитъ изъ двухъ частей, искусственно соединенныхъ. Въ первой содержится разсказъ о мудромъ царѣ Сронцзанъ-Гамбо и его мудромъ совѣтникѣ Гари, который сватаетъ для царя китайскую царевну, привозитъ ее, но заподозривается въ ея присвоеніи. Здѣсь Гари какъ будто на мѣстѣ Битью, заподозрѣннаго въ связи съ женой его старшаго брата; Сронцзанъ-Гамбо это старшій братъ; второй членъ Гамбо напоминаетъ Анпу, имя старшаго брата въ египетскомъ романѣ; первый членъ Сронцзанъ можетъ быть искаженное тибетскимъ произношеніемъ турецкое Джиренше. Вторая половина тибетской легенды разсказываетъ о томъ, что родился нечестивый царь Ландарма съ бычьими рогами (потомокъ Сронцзана) и что онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ лука. Этотъ царь былъ не кто другой, какъ тотъ бекъ, на которомъ подвозили матеріалъ для постройки храма, безъ котораго не могла бы завершиться постройка и о которомъ забыли, когда постройка была окончена; недовольный такой невнимательностью, бекъ пообѣщалъ отмстить и возродился царемъ-гонителемъ. Этотъ бекъ отвѣчаетъ тому быку египетскаго романа, въ котораго обратился Битью и который также является мстителемъ за обиду. Схема у египетскаго романа и у тибетской легенды одна и та же: 1) подозрѣніе въ любовной связи и преслѣдованіе мнимаго преступника, и 2) бекъ-мститель, съ тою, однако, разницею, что, во-первыхъ въ египетскомъ романѣ лицо, заподозрѣнное въ связи съ женщиной, и ее мужъ поставлены въ родственную связь, они братья; тибетская легенда не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ отвѣчающихъ персонажей; во-вторыхъ, въ египетскомъ романѣ вторая его половина связана съ первой тѣмъ, что бекъ, являющийся во второй половинѣ, есть обращенный Битью, дѣйствующее лицо изъ первой половины романа; въ тибетской легендѣ связи быка съ гонимымъ

¹⁾ Шешенъ—„мудрецъ“.

персонажем первой ее половины не установлено. Принимая тибетскую легенду за версию египетского романа, мы можем взглянуть на персонажи Сронцанъ-Гамбо и Гари, какъ на братьевъ, и на быка, какъ на воплощеніе Гари, мстящаго за свою обиду. Полному совпадению въ этомъ послѣднемъ пунктѣ мѣшаетъ, однако, то положеніе, которое быкъ, или точнѣе, царь съ бычьими рогами, занимаетъ въ концѣ легенды. Это нечестивый царь вродѣ Джанибека киргизской сказки, отличающагося сходными или даже тождественными тератологическими признаками, ослиными ушами или бычьими рогами. Джанибекъ же, какъ мы выше видѣли, отвѣчаетъ не младшему брату Битью, а старшему Анпу; такъ что эпизодъ объ убійствѣ царя Ландармы можно понять какъ рассказъ о мести младшаго брата: Ландарма это старшій братъ, гонитель; его убійца это гонимый младшій братъ. Въ египетскомъ романѣ Битью мститъ только своей измѣнницѣ женѣ; и фараонъ, отнявшій ее у него и Анпу, несправедливый братъ, остались безъ отмщенія; тибетская легенда, повидимому, представляетъ особую версию, въ которой старшій братъ получилъ возмездіе. Нечестивый быкъ-царь, въ тюркскихъ редакціяхъ носившій имя Джанибека (или Жанбая?), это и былъ старшій братъ.

Вторая половина египетского романа находитъ себѣ параллель въ русской сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ. Въ цѣломъ составѣ сюжетъ этой сказки такой: У Германа сынъ Иванъ; онъ отбиваетъ у турецкаго салтана дѣвицу, дочь царя Алиострога и женится на ней; турецкій салтанъ снова является подъ видомъ нищаго и проситъ царевну показать мечъ Ивана; та выноситъ мечъ; этимъ мечемъ салтанъ убиваетъ Ивана и увозитъ его жену¹⁾. Конь Ивана привозитъ Германа, который оживляетъ сына. Иванъ обращается въ коня и предлагаетъ крестьянину продать себя; салтанъ купилъ коня и безпрестанно ходитъ въ конюшню смотрѣть на него. Жена его, бывшая жена Ивана, говоритъ, что это не конь, а прежній ея мужъ Иванъ. Конь убитъ, но дѣвушка чернавка по совѣту коня бросила кровь отъ головы коня быкамъ; родился среди нихъ златошерстый быкъ; царица опять указываетъ, что это Иванъ; быка убиваютъ; на мѣстѣ, гдѣ зарыта его голова, вырастаетъ яблоня; по требованію царицы рубятъ яблоню, щепка падаетъ въ озеро и обращается въ селезня; царь снимаетъ свое платье и плыветъ за селезнемъ; селезень

¹⁾ Въ записанной мною отъ монгола передачѣ сюжета о двухъ братьяхъ (см. Очерки с. а. Монголіи, IV, 240) жена младшаго брата (названная тутъ его матерью) также сама выдаетъ секретъ, какъ погубить ея мужа; царь, соответствующій фараону, подослалъ служанку, чтобы она подучила юношу спросить у женщины, съ которою онъ живетъ, гдѣ ихъ богъ. Женщина сказала, что ихъ божество заключается въ черномъ четвероугольникѣ на вершинѣ юрты. По совѣту подосланной служанки юноша бросилъ въ огонь этотъ талисманъ и отъ этого умеръ.

выпорхнулъ изъ воды и обратился въ Ивана; Иванъ одѣлся въ царское платье и приказалъ казнить и царя и царицу.

Здѣсь на мѣстѣ старшаго брата Анпу стоитъ отецъ Германъ; подобно тому, какъ Анпу воскрешаетъ убитаго брата Битью, здѣсь Германъ воскрешаетъ сына. Иванъ обращается сначала въ коня, но потомъ и въ быка, какъ и Битью; изъ быка Битью обращается въ дерево *Mimusops Shimperi*; здѣсь вмѣсто этого дерева яблоня; въ египетскомъ романѣ щепка попадаетъ въ ротъ царицы, она проглатываетъ ее, зачинаетъ и родитъ царевича, который есть воплощеніе Битью. Тутъ русская сказка расходится съ египетскимъ романомъ. Кончается сказка не только казнью царицы, но и казнью царя.

Какая-то связь замѣчается между сюжетомъ ласской легенды и шаманскими легендами бурятъ. Этотъ фактъ можетъ найти различное объясненіе: или шаманскія легенды будутъ признаны за отраженія книжныхъ легендъ, принесенныхъ съ юга, или, наоборотъ, въ шаманскихъ легендахъ увидятъ элементарные матеріалы, изъ которыхъ сложилась ласская легенда. Рѣшить этотъ вопросъ могутъ только оріенталисты. Мы позволимъ себѣ однако изложить сопоставленіе замѣченныхъ параллелей въ видѣ гипотезы въ смыслѣ шаманскаго приоритета.

Въ центръ шаманскаго культа у бурятъ стоитъ Эсэгэ-маланъ; это тоже, что Хормуста у монголовъ, Индра у индійцевъ.

Одна изъ легендъ рассказываетъ, что Эсэгэ-маланъ строилъ дворецъ, но стѣны его многократно разрушались и укрѣпились только послѣ совѣта одного мудраго старца (Извѣст. Восточно-сибирск. Отдѣла Русск. Географич. Общества, т. XIX, № 3, стр. 22) то есть къ нему приурочена та же тема, что и къ тибетскому царю Сронцзону или Сронцзану. Если бурятская редакція древнѣе, то, значить, бурятскій царь неба въ тибетской легендѣ превратился въ земного царя Сронцзана.

Слѣдующая легенда рассказываетъ о другомъ затруднительномъ положеніи Эсэгэ-малана, изъ котораго бога выручаетъ также мудрый человѣкъ. Эсэгэ-маланъ хочетъ женить своего сына, но никакъ не можетъ; только увезетъ сына къ невестѣ по обычаю того времени, сынъ сейчасъ же убѣжитъ домой. Это продолжалось бы такъ же безконечно, какъ и постройка дворца, если бы не совѣтъ мудраго Зара (Извѣст. Восточно-сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 21 и 22; Записки того же Отдѣла по этн., т. I, в. I, стр. 130).

Въ тюркскихъ сказкахъ объ Ерень-чиченѣ мы видимъ дополнительный матеріалъ къ сюжету о сватаньи невесты за сына Эсэгэ-малана. Ерень-чиченъ алтайскихъ сказокъ или Джиренше-шешенъ киргизскихъ ищетъ умную жену своему сыну. Этотъ Ерень-чиченъ какъ будто тотъ же Зара; оба они являются

помощниками въ устройствѣ брака; въ бурятской сказкѣ Зара даетъ совѣтъ, какъ закрѣпить бракъ; въ тюркскихъ сказкахъ Ерень-чичень или Джиреншешень является сватомъ; онъ сватаетъ умную дѣву за своего сына; былъ, можетъ быть, и такой вариантъ, въ которомъ онъ сваталъ дѣвицу за сына паря и въ которомъ этотъ царь носилъ имя Эсэгэ-малана. За то, что были варианты, въ которыхъ имена Эсэгэ-маланъ и Ерень-чичень или Джиреншешень стояли рядомъ, можетъ быть, говорить то, что шаманскія легенды знаютъ формы Юрюнь-хатунъ (Очерки с.-в. Монгол., IV, 264, 821) или Шеше-хатунъ (Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 11); такъ называется, будто бы, жена Эсэгэ-малана.

Изъ этихъ тюрко-монгольскихъ сказокъ составила ласская легенда. Царь Сронцзанъ хочетъ жениться; вельможа Гари отправляется сватать для него дѣвицу; этотъ вельможа отличается такою же мудростью, какъ Ерень-чичень тюркской сказки и какъ Зара бурятской.

Ласская легенда кончается разсказомъ о царѣ-насильникѣ, который убить плясуномъ Балъ-дорджи, одѣтымъ въ мантию съ широкими рукавами; въ такіа мантии буддійскіе монахи одѣваются, когда пляшутъ въ обрядовыхъ танцахъ, въ такъ называемомъ цамѣ. Въ параллель этому эпизоду есть бурятская шаманская легенда о Эсэгэ-маланѣ и первомъ шаманѣ. Эсэгэ-маланъ царь неба; онъ властвуетъ надъ жизнью на землѣ; хотя непосредственнымъ виновникомъ смерти людей является Ерликъ, но въ случаѣ, когда законъ смертности нарушается, Ерликъ жалуется Эсэгэ-малану. Можетъ быть Эсэгэ-маланъ и Ерликъ есть раздвоеніе одного и того же, нѣкогда цѣльнаго персонажа. Шаманская легенда разсказываетъ: Дошла вѣсть до Эсэгэ-малана, что появился такой всемогущій человѣкъ (первый по времени шаманъ), что всѣхъ людей, обреченныхъ къ смерти, возвращаетъ къ жизни, и тамъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, люди перестали умирать. Эсэгэ-маланъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ этого извѣстія, вынулъ изъ одного человѣка душу и спряталъ ее у себя. Шаманъ, призванный родственниками того человѣка, началъ камлать, т. е. плясать и бить въ бубенъ, и открылъ, что душа спрятана у Эсэгэ-малана; онъ обратился въ осу, ударилъ бога въ лобъ и, воспользовавшись его замѣшательствомъ, перекралъ душу и спасъ обреченнаго къ смерти человѣка.

Въ тибетской легендѣ Эсэгэ-маланъ обратился въ царя-насильника¹⁾;

¹⁾ Типъ насильника въ бурятской и тибетской легендахъ очерченъ сходными чертами. Тибетскій Ландарма призываетъ поочередно людей брить ему голову, и чтобъ въ народѣ не разгласилось, что его голова украшена рогами, онъ приказываетъ всякаго брившаго его казнить. Очередь доходить до сироты, единственнаго сына матери. Спасаетъ отъ казни материнское молоко т. е. материнская любовь. Бурятскій Эсэгэ-маланъ строитъ дворецъ и по очереди призываетъ людей и спрашиваетъ: готово ли? Всѣ замѣчаютъ одинъ уголокъ недостроеннымъ и отвѣчаютъ: не

пляшущій шаманъ явился подъ видомъ Балъ-дорджи, который также пляшетъ передъ царемъ; специальный шаманскій костюмъ замѣненъ въ тибетской легендѣ цамской мантией.

Исторія Балъ-дорджи кончается тѣмъ, что онъ, совершивъ убійство, убѣгаетъ отъ погони, прячется въ пещеру и тутъ обращается въ неподвижно сидящую фигуру, которую гнавшіеся принимаютъ за статую. И теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго Тибета указываютъ на статую, въ которую обратился Балъ-дорджи; это даетъ понять, что Балъ-дорджи по народному вѣрованію обратился въ камень. Этотъ мотивъ данъ уже въ шаманскихъ легендахъ. Шаманъ, оскорбившій бога и перекравшій у него душу, осужденъ Эсэгэ-маланомъ вѣчно прыгать (плясать) на вершинѣ высокой горы, т. е. осужденъ на пребываніе на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ изъ вариантовъ этой легенды шаманъ носитъ имя Бохоли (Очерки с.-в. Монголіи, IV, 845). Въ другихъ легендахъ первый шаманъ увозитъ дочь хана или жену его; именно въ алтайскомъ преданіи шаманъ Даниъ-тере-тарханъ-бѣ (тере сокращенное изъ тенгре — „небо“, тарханъ — „кузнецъ“, бѣ — „шаманъ“) похищаетъ царевну, въ халхаскомъ шаманъ Даниъ-тирхинъ похищаетъ жену Чингисъ-хана; оба шамана обратились въ камень (ibid., 291). Въ бурятскомъ преданіи сынъ неба спустился на землю, принявъ видъ быка, и похитилъ царевну, а потомъ окаменѣлъ; онъ извѣстенъ подъ именемъ Буха-ноинъ (быкъ-господинъ) (ibid., 264, 823). Въ калмыцкомъ преданіи, которое повидимому есть только версія сказанія о Буха-ноинѣ, Бо-ханъ (шаманъ-царь) присвоилъ чужую жену; въ Иркутской губ. есть гора Бо-ханъ, возлѣ которой по преданію жилъ могущественный шаманъ, который прекратилъ моръ въ своей странѣ; вѣроятно, это все тотъ же первый шаманъ, и сама гора, вѣроятно, представляется не чѣмъ инымъ, какъ окаменѣвшимъ шаманомъ (Зап. Вост. Сибирек. Отдѣла Русск. Геогр. Общ. по этнограф., т. I, в. 2, стр. 146). Въ алтайской сказкѣ сынъ неба Темиръ-боко (железный силачъ) прикованъ къ стѣнѣ въ аду; за что, не сказано; по аналогіи съ предъидущими разсказами, вѣроятно, за похищеніе чего-то, можетъ быть, женщины (Очерки с.-в. Монгол., IV, 689). Въ джурбютской сказкѣ тотъ же, вѣроятно, Темиръ-боко является подъ именемъ сына неба Темиръ-босъ (железная вошь; ibid., 476). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ встрѣчается одна и таже форма въ варіаціяхъ: бѣ, боко, буха, бохо; бѣ, пишется буга, значитъ „шаманъ“; вѣроятно, варіаціи боко, бохо, буха — домышленія и первоначально на ихъ мѣстахъ также стояло буга — „шаманъ“.

готово! Постройка разрушается и царь казнить всѣхъ до тѣхъ поръ, пока очередь не выпала человѣку, который былъ единственный сынъ у отца. По совѣту отца, онъ сказалъ: готово! Разсказу приданъ конецъ въ такомъ смыслѣ, что спасаетъ любовь сына къ отцу.

Через взаимное сопоставление этих легенд персонаж, о котором он рассказывает, обобщается; это все один и тот же шаман, предания о котором находятся в болше или менше тесной связи с сказаниями о Чингис-хане; в одном из приведенных случаев, как мы видели, связь эта ясно выступает; шаман похитил жену Чингис-хана.

В ласской легенде и ее вариантах является на сцену бык. Так в тибетской редакции бык понадобился, как необходимый помощник при постройке храма, а потом он же возражается в виде мстителя за обиду, в виде царя-насилльника с бычьими рогами на голове; в монгольском варианте на быка идет погоня за похитителем святыни; египетский роман о двух братьях представляет как будто слияние этих двух версий; тут человек возрождается в виде быка и в этом виде мстит фараону за обиду; Анну, идущую на этом быке, напоминает монгольский вариант, где на быка идет погоня за похитителем.

В бурятских легендах об Эсэгэ-малане также является бык. Сын Эсэгэ-малана спускается на землю под видом быка; его имя Буха-ноинь (бык—князь) было уже приведено выше. Он живет тайно с царской дочерью или похищает ее и перевозит через Байкал; в другом легендарном отрывке содержится рассказ о том, что соперник гонится за Буха-ноинем, Буха-ноинь убегает на другую сторону Байкала и здесь окаменевает. При сведении этих отрывков в цельный сюжет история могла бы принять такой вид: Буха-ноинь похищает царевну, переносит на северную сторону Байкала; за ним гонится погоня; догоняет, но Буха-ноинь превращается в камень. Такова и была, вероятно, первоначальная схема ласской легенды.

Можно дополнить этот сюжет еще одной подробностью; в бурятском предании об озере Байкал говорится, что оно образовалось от излияния подземных вод через отверстие, которое сделал в скале сын неба (т. е. сын Эсэгэ-малана), ударив по ней своей плетью. Эта подробность, мы думаем, входила в рассказ о Буха-ноинь или могла войти в него; Буха-ноинь убегал с похищенной царевной; в это время за ним гнались; погоня ударила плетью по скале и на пути похитителя возникло озеро Байкал. Эта подробность в монгольской версии ласской легенды сохранилась в северной редакции: похитивший святыню убегает со своей ношей; за ним гонится погоня на быка; погонщик втыкает свой посох в землю и из образовавшегося отверстия изливается вода, образующая море, которое преграждает путь похитителю, но он перебывает через море благополучно подобно Буха-ноину (см. Этногр. Обзор., кн. XXV, стр. 124).

В тибетской версии эта подробность уже утратила значение препятствия

на пути похитителя; озеро изливается из отверстия колодезя как бы в наказание за неумение держать секрет втайне.

В бурятских и монгольских легендах можно найти намеки на связь вышеприведенных сюжетов с Чингис-ханом. Выше уже было указано, что монгольская легенда о шамане Тайн-тирхине приписывает ему похищение жены Чингис-хана (Очерки С. З. Монг., II, 157, IV, 835); бурятская легенда вводит имя Чингис-хана в рассказ о Буха-ноинь, сын Эсэгэ-малана, и о происхождении озера Байкала (Зап. Вост. Сиб. Отд. Русск. Географ. Общ., т. I, в. 1, стр., 108). Это народное воззрение на близость преданий о Чингис-хане к сказаниям об Эсэгэ-малане и первом шамане, кажется, может быть усвоено и науке.

Народное поверье монголов и бурят Чингис-хана называет сыном неба, по монгольским легендам он сын Хормусты; при переводе на бурятскую терминологию он будет, следовательно, сын Эсэгэ-малана; монгольские летописи тоже дают отцу Чингис-хана сходное имя: Есуге или Есугай. Собранные монголобурятские устные и книжные предания свидетельствуют, что сюжет о похитителе женщины или святыни был не чужд Чингис-хану. Иногда Чингис-хан занимал в этом сюжете место царя, у которого совершалось похищение; так, шаман Тайн-тирхин похищал у него жену; в других рассказах у него похищались знамя, золотой прибор или мутовка. Иногда он занимал место царя, для которого совершалось похищение; так, есть рассказы о насильственном добывании жены для Чингис-хана. Иногда, наконец, сам Чингис-хан, повидимому играл роль похитителя-шамана; есть указание в легендах на какого-то шамана, который назывался будто бы Хаджир-Чингис и которого легенды называют сыном неба (Банзаров, Черная вѣра, Спб. 1891 г., стр. 12 и 78); этот сын неба Чингис, по нашему мнению есть никто иной, как Чингис-хан, сын неба или сын Хормусты. Народное предание, живущее еще теперь в Монголии, называет Чингис-хана „тарханом“ *); это сближает его с именем турецкого шамана Даниш-тере-тархан-бо. Словом, Чингис-хан это был тот первый шаман, который у бурят теперь известен под именем Бохоли, Хара-моргона и Хара-гыргена, а у алтайцев под именем Даниш-тере или Джарканата и который обладал необыкновенной вѣщей силой, имел способность спускаться на дно морское, подниматься на небо и торжествовать над смертью.

В книжных сказаниях о Чингис-хане рядом с ним упоминается шаман Тубут-тэнгри; он выставляется соперником Чингис-хана. Пови-

*) Тархан по монгольски „кузнец“.

димому, письменные памятники сохранили только обрывки из предания о Тубутъ; мы подозреваемъ, что этому Тубуту приписывалось, какъ и Тайнъ-тирхину, похищеніе жены Чингисъ-хана. На это подозрѣніе наводитъ лѣтописное извѣстіе, что Тубутъ увелъ за собой много народа, для возвращенія котораго былъ посланъ Сохоръ. Бурятское преданіе сохранило память о какомъ-то Бохакъ, который жилъ съ дочерью монгольскаго хана и бѣжалъ; для возвращенія его былъ посланъ Сохоръ. Я думаю, что бурятское преданіе есть повтореніе лѣтописнаго разсказа, что бурятскій Сохоръ тождественъ съ лѣтописнымъ Сохоромъ, и что имя Бохакъ нужно исправить въ Бо-ханъ, «шаманъ-царь», которому дѣйствительно легендой приписывается присвоеніе чужой жены. Сохоръ вмѣсто Бохака нападаетъ на какого-то шамана Гурте и убиваетъ его; тутъ, кажется, бурятскимъ преданіемъ забыто, что этотъ-то шаманъ Гурте и есть тотъ Боханъ, или, какъ оно переименовано, — Бохакъ, за которымъ посланъ Сохоръ. Подробности о его смерти сближаютъ это преданіе со сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; см. объ этихъ легендахъ въ нашихъ статьяхъ: Легенды объ Апохъ и преданіе о Чингисъ-ханѣ (Этн. Обзор., кн. XXIII, стр. 92); Дочь моря въ степномъ фольклорѣ (Этн. Обзор., кн. XII, стр. 60).

Имя Гурте только инициаломъ отличается отъ Бурте, имени одной изъ женъ Чингисъ-хана; такой обмѣнъ *г* на *б* въ бурятскомъ обыкновененъ. Сличенія этого бурятскаго преданія съ преданіями о Чингисъ-ханѣ даютъ поводъ къ постройкѣ такой схемы: У монгольскаго хана Чингиса шаманъ увезъ жену; за похитителемъ былъ посланъ Сохоръ, и шаманъ былъ убитъ; жена называлась Бурте или Гурте; иногда же это имя давалось шаману, который въ другихъ вариантахъ назывался еще именами Бо-ханъ и Тубутъ.

Имя Тубутъ въ измѣненномъ видѣ, кажется и теперь извѣстно бурятскому фольклору. По преданію баргузинскихъ бурятъ былъ какой-то Дебедей или Дегедей; у него была собака Бурте; это былъ пастухъ Цолмона (т. е. звѣзды Венеры). Имя Бурте указываетъ на сказанія о Чингисъ-ханѣ, возлѣ котораго оно не разъ встрѣчается; во-первыхъ, такъ называлась одна изъ его женъ, во-вторыхъ, такое имя носилъ самый древній предокъ Чингиса «волкъ Бурте», Бурте-чоно. Къ сожалѣнію, подробной легенды объ этихъ Дебедей и Цолмонѣ не записано, и мы не можемъ судить, можно-ли проводить параллель между Цолмономъ и Эсэгэ-маланомъ (строителемъ храма, который много разъ разрушался ¹⁾).

¹⁾ По одному бурятскому показанію хозяинъ скота звѣзда Цолмонъ, а пастухъ Дебедей; по другому звѣзда Цолмонъ или Уха-Солбонъ представляется пастухомъ, а хозяиномъ скота является Эсэгэ-маланъ (ст. Шашкова въ „Живописномъ Обзорѣніи“, 1879 г., № 19, стр. 411). Такое смѣшеніе Эсэгэ-малана съ Цолмономъ нужно ли объяснять одной случайностью, произволомъ рассказчика, или оно коренится въ

Съ первымъ шаманомъ, повидимому, соединялась вѣра въ его возрожденіе или въ его новое появленіе на землѣ. О статуѣ Даниъ-тирхина (т. е. о каменной бабѣ, которая принимается за его окаменѣвшее тѣло) разсказываютъ, что вскорѣ наступитъ его оживленіе; что камень развиваетъ внутри себя животную теплоту, почему въ морозные дни зимой покрывается инеемъ, и что изъ прежняго лежащаго положенія она приходитъ въ вертикальное; словомъ ожидается его воскресеніе. Бурятское преданіе о первомъ шаманѣ Бохоли-хара ²⁾ увѣряетъ, что скала, на которой онъ осужденъ вѣчно скакать (т. е. плясать), истирается, и когда изотрется въ конецъ, снова шаманы сдѣлаются такими же могущественными, т. е. будутъ торжествовать надъ смертью. Эти мессіанскія надежды были, очевидно, связаны и съ именемъ шамана Чингисъ-хаджира, т. е. Чингисъ-хана, и дошли до насъ въ видѣ ожиданій, которыя теперь живутъ въ монгольскомъ народѣ. Монголы ждутъ, что Чингисъ-ханъ снова явится на землѣ; тарханы, особые потомственные чины, которые охраняютъ его останки, по разсказамъ, ежегодно совершаютъ обрядъ разыскиванія, не родился ли Чингисъ гдѣ нибудь въ монгольскихъ кочевьяхъ. Если имя Чингиса замѣщалось въ легендахъ и повѣрьяхъ именемъ Тубутъ, какъ мы думаемъ, то тѣ же мессіанскія надежды были, конечно, приурочены и въ имени Тубутъ.

Монголы, наводившіе въ XIII в. Переднюю Азію, конечно, принесли сюда свои легенды и повѣрья о Чингисъ-ханѣ или Тубутъ; эти разсказы о монгольскомъ мессіи встрѣтились здѣсь съ мессіанскими идеями евреевъ, которыя, можетъ быть, раздѣляли съ ними и другіе жители Передней Азіи; мы разумѣемъ средневѣковыхъ евреевъ, ожидавшихъ пришествія царя Давида, который возобновитъ будто бы Іерусалимъ, соберетъ всѣхъ евреевъ и будетъ царствовать (Г. Халатьянцъ, «Армянскій эпосъ въ исторіи Армении Моисея Хоренскаго», М. 1896, стр. 316, со ссылкой на армянскаго писателя Езаника Клопскаго). Этимъ объясняется, между прочимъ, то странное обстоятельство, что христіане Передней Азіи завоевателя Чингисъ-хана приняли за пришедшаго вновь царя Давида.

Объ отождествленіи Чингисъ-хана съ царемъ Давидомъ см. въ статьѣ академ. Куника: «Историческіе матеріалы и изысканія» (Учен. Записки Импер. Акад. Наукъ по I и III отд., т. II, Спб., 1858, стр. 761 и слѣд.). Крестоносцы воображали, что Чингисъ-ханъ, христіанинъ, придетъ освободить Святой Гробъ. Монголовъ принимали за христіанъ; первое нашествіе монголовъ въ одномъ латинскомъ источникѣ приписывается Regi David, qui pres-

генезисъ легенды, рѣшеніе этого вопроса будетъ зависеть отъ накопленія вариантовъ легенды.

²⁾ Извѣст. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 87.

biter Iohannes appellatur. По одному свидѣтельству, какой-то Давидъ причисляется внукомъ царю Іоанну, а съ 1219 или 1221 латинскіе источники самого Чингисъ-хана выдаютъ за внука Іоанна. Куникъ говоритъ: Последній керантскій ханъ христіанскаго исповѣданія былъ Тогрулъ, который самъ или сынъ его сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Давида. Акад. Куникъ не признаетъ правильнымъ толкованіе, что пресвитеръ Іоаннъ или попъ Иванъ есть испорченное китайское ванъ (Ванъ-ханъ). «По этому толкованію керантскій князь Тогрулъ, убитый въ началѣ XIII в., долженъ бы былъ получить свое китайское почетное имя Ванъ-ханъ уже въ XI столѣтіи!» (Къ этому столѣтію приурочено первое извѣстіе о пресвитерѣ Іоаннѣ; впервые оно упоминается у Вильгельма Трипольскаго въ разсказѣ о завоеваніи Антиохіи крестоносцами). Если въ Ванъ-ханѣ видѣть историческое лицо, жившее въ началѣ XIII в., то, конечно, возраженіе акад. Куника имѣетъ то значеніе, которое онъ ему придаетъ; но значеніе его уничтожается, если подъ Ванъ-ханомъ разумѣть легендарную личность, разсказы о которой могли жить въ ордѣ задолго до XIII в., въ XI-мъ и даже ранѣе. Ванъ можетъ быть не китайское ванъ, «царь», а арханчское ордынское. Вотъ его варіаціи: сложное Шидырванъ у алтайскихъ тюрковъ произносится Шидыр-убанъ, у бурятъ Шудурманъ; Ванъ-ханъ кирейскій у Марка Поло—Унгъ-ханъ; въ сибирскихъ лѣтописяхъ Онъ-ханъ или Онъ-сомъ.

Ассириологъ Оппертъ думаетъ, что поводъ къ представленію, будто въ лицѣ Чингисъ-хана возродился царь-пророкъ Давидъ, rex David, подало жителямъ Передней Азіи имя шамана Тубутъ-тэнгри, которое, по мнѣнію Опперта, относилось къ самому Чингисъ-хану (Oppert, Presbyter Iohannes, 1864, Berlin, S. 66). Изъ приведенныхъ въ нашей статьѣ данныхъ оказывается, что, кромѣ имени, къ такому отождествленію вели также во-первыхъ связанные съ именемъ Чингисъ-хана сюжеты 1) о царѣ, замышляющемъ заговоръ противъ своего слуги и 2) о царѣ, отнимающемъ чужую жену т. е. сюжетъ объ Уріѣ (см. ст. «По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынѣ», Этн. Об., кн. XXII, стр. 55), и во-вторыхъ мессіанскія надежды.

Г. Потанинъ.

Сказанія о поѣздкахъ остяцкихъ князей къ русскимъ царямъ.

Вскорѣ послѣ покоренія Сибирскаго царства въ русскій станъ стали являться инородческіе князьки изъ окрестныхъ странъ съ изъявленіемъ покорности. Русскіе правители и губернаторы принимали ихъ ласково, одаривали ихъ, и, наложивъ на подвластные имъ народы ясака, съ почетомъ отправляли ихъ домой. Нѣкоторые изъ такихъ князьковъ пожелали передать себя и свой народъ во власть Россіи не иначе, какъ при посредствѣ самого государя, что имъ не возбранялось. Таковъ былъ остяцкій князекъ Лугуй, который въ 1586 г. ѣздилъ въ Москву, чтобы въ первопрестольной столицѣ принять русское подданство. Феодоръ Іоанновичъ принялъ его ласково и далъ ему охранительную грамоту. Его примѣру послѣдовали и другіе князьки. Такъ, въ 1600 г. въ Москву пріѣзжалъ жаловаться на грабежи остяцкаго князька Игича и его союзниковъ—русскихъ—правитель Кондинскихъ вогульцевъ Курманакъ Танаевъ, а нѣсколько лѣтъ раньше туда же былъ отправленъ плѣненный вогульскій князекъ Агай съ сыномъ. Поѣздки остяцкихъ и другихъ князьковъ по разнымъ обстоятельствамъ въ столицы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе періоды времени. Нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось посѣтить Петербургъ два раза (напр. Ив. Матв. Тайшину).

Само собою разумѣется, что эти поѣздки въ многолюдныя блестящія столицы, гдѣ князьки иногда устаивались пріема во дворцѣ, не могли не оставить глубокаго сдѣда въ умахъ такихъ дѣтей природы, какими въ прежнее время были остяки и вогулы. Въ длинныя зимніе вечера, когда старъ и младъ собираются въ тѣсной юртѣ у пылающаго огонька, старики, уступая настоятельнымъ просьбамъ молодежи, начинаютъ свои безконечныя разсказы о прежнихъ людяхъ, о богатыряхъ и князькахъ. Не забываютъ они при этомъ и о путешествіяхъ послѣднихъ къ Бѣлому царю. Передаваясь изъ устъ въ уста, подобные разсказы съ теченіемъ времени изукрасились народной фантазіей и приняли въ большей или меньшей степени сказочный характеръ.

Къ числу такихъ разсказовъ принадлежатъ и ниже приведенные два сказанія о посѣщеніяхъ остяцкими князьками и богатырями русскихъ царей, записанныя въ 1887 г. въ Тобольскомъ округѣ.